

Больше помощи библиотекам!

было вложить в свой труд, чтобы добиться таких результатов! По-настоящему огромное уважение, с которым относятся к своему библиотечному делу в селе Великом. А таких, как Мария Давычева, — сотни и тысячи в нашей стране.

В нашей стране нельзя не учиться, нельзя не расти. Социалистический строй, советский образ жизни постоянно зовут людей вперед. Необычайно выросли культурные запросы советского человека.

«Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем», — сказал товарищ Сталин на XVIII съезде партии. Эти слова выполняются. Наша Родина — страна сплошной грамотности. Осенью прошлого года сделан еще один шаг вперед — обязательное семилетнее обучение вводится и в сельской местности. Наступает, большая культура в нашей стране — достойная всего народа.

Важнейшим очагом социалистической культуры являются библиотеки. Источники знаний — книга стала постоянным спутником и другом советских людей.

Партия Ленина — Сталина, советское правительство считают развитие библиотек важнейшим государственным делом. Они неустанно заботятся о росте количества библиотек в стране, о пополнении их фондов, о подготовке квалифицированных библиотечных работников.

Еще в первые годы революции, когда страна боролась с голодом, разрухой, интервентами, В. И. Ленин указывал, что стремление рабочих и крестьян «...к созданию библиотек мучнее, «варднее» в настоящее время слова».

Число библиотек в нашей стране растет необычайно быстро, оно достигло 249 тысяч.

В Москве, в Ленинграде, наряду с сотнями массовых, научных, специальных и детских библиотек, созданы также мировые центры науки и культуры, как библиотеки им. В. И. Ленина, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тысячи технических и профессиональных библиотек начали жить вместе с предприятиями, рожденными сталинскими пятилетками.

Очаги коммунистической культуры заждались сейчас в самых отдаленных районах нашей Родины. Ученые, боряки, якуты и другие народы Севера, собираясь в глубях, в ярангах, читают и горячо обсуждают стихи найкайского поэта Акима Самара, повесть уральского писателя Джаниса Бимонко или произведения Л. Толстого, М. Горького, А. Фадеева, Т. Семухина. По проселочным дорогам между отдаленными селами и колхозами — на Камчатке, в Хабаровском крае, в Тувинской автономной области — кружит гол курьеров специально оборудованные автомобили. Они доставляют колхозникам самую разнообразную литературу.

Нигде в мире нет такой глубокой любви к книге, такой колоссальной армии читателей, как у нас, в стране, строящей коммунизм. В создании новых библиотек кровно заинтересованы миллионы тружеников. Прекрасная мысль возникла на Украине — создать колхозные библиотеки в каждом селе. Эта мысль подхватил сейчас во многих колхозах нашей страны. В Омской области насчитывается 2,397 библиотек, и в каждом из этих колхозов есть теперь своя библиотека. Это, несомненно, большое культурное достижение партийных и советских организаций Омской области, и оно может и должно быть поставлено в пример многим другим областям!

Библиотека является родным домом для советского человека. Библиотечка, — если он любит свое дело, если он с любовью организует свой труд, пользуется глубокой уважением и читателей. Он их навстречу, друг, разумный советчик, повседневный помощник их духовному росту. Так же, как и учитель, библиотечка — великий труженик на поприще народного просвещения. И сколько истинно-благородного, в высшей степени важного для страны и народа заключено в скромном, кропотливом труде библиотечкари!

Сельский библиотечкарь Мария Давычева, простая крестьянка, в которой Октябрьская революция пробудила страстное влечение к книге, 32 года назад создала в своем родном селе Великом Ярославской области небольшую библиотеку, собрав в ней сначала всего только 200 книг. Немного было на первых порах и читателей в этой библиотеке. А сейчас на библиотечных полках в селе Великом около 13.000 книг. Мария Давычева бесценно в течение 32 лет руководит библиотекой. Книжными богатствами ее пользуются около 2.000 колхозников. Многим из них надо было прививать вкус к книге, помогать правильно разбираться в прочитанном, направлять их чтение, руководить им. Сколько любви к своему делу, сколько любви к человеку и заботы о нем надо

Комитет по делам культуры чрезвычайной при Совете Министров РСФСР неоднократно ставил перед Советом Министров Кому АССР вопрос о постройке нового здания для республиканской библиотеки. Совет Министров Кому АССР, между тем, упорно отмахивается от этого.

В плохие условия поставлена Актюбинская районная библиотека Свердловской области. Попав в нее только через артынский зал Дома культуры. В сыром, холодном помещении книги портятся и покрываются плесенью.

Стыдно должно быть руководителям этих партийных и советских организаций, допускающим, чтобы библиотеки находились в подобном состоянии!

Секретари райкомов партии, председатели исполкомов, руководители предприятий, школ, в ведении которых находятся библиотеки, обязаны повседневно заботиться об их нуждах, о том, чтобы в библиотеке было всегда уютно и тепло, чтобы она была снабжена необходимой мебелью и оборудованием, чтобы библиотечные работники росли политически и культурно.

Там, где нет такой заботы, на полках библиотек подчас книги лежат целыми годами без движения, а сам библиотечкарь превращается в механического раздачика книг. Читательский актив таких библиотек не растет.

Многие могут и должны сделать для библиотек местные писательские организации. Их прямой долг и прямая обязанность — участвовать во всей идейно-политической работе библиотек, требовать от местных организаций реальной помощи им.

Библиотеки — важный участок идеологического фронта. Армия советских библиотечкарей находится на передовых позициях борьбы за коммунизм. Активно участвуя в политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны, библиотечкарь помогает партии и правительству воспитывать советский народ в духе великих идей Ленина — Сталина.

Звездой С. Бабаевского, «Счастья» П. Павленко или «От всего сердца» Е. Малышева в колхозную жизнь обязательно приходило какое-либо новшество, навеянное этими произведениями.

Передставляешь решения таких конференций и читаешь: «Ускорить перепланировку хутора по архитектурному проекту»; «Идеально строить в нынешнем году, а не в будущем»; «Создать колхозный парк культуры и отдыха».

В решении читательской конференции, состоявшейся на хуторе Малая Каменка, было записано: «Включить Малую Каменку в государственную высоковольтную сеть, работать методом народной стройки». Электрификация, а затем и радификация были завершены в самый короткий срок.

И вот представить себе вечер, колхозный сад. Темно и тихо вокруг, хотя сад заполнен народом. Девичий голос читает главу из романа «Кавалер Золотой Звезды». Когда диктор доходит до того места, где Сергей Тугаринов включает рубильник на железной электростанции, вся станция — жилища дома колхозников, улицы, сад — вдруг озаряется ярким электрическим светом.

Ну, вот теперь и у нас, как в Усть-Невинской, — говорят колхозники. — Да и не только у нас. Скоро загорится электричество в Актюбинске, Гундоорове, Поповке — весь район будет электрифицирован... Читательские конференции — это одна из новых форм пропаганды лучших произведений советских писателей — приобрели широкую популярность в области. Почти в этом большом и интересном деле принадлежит библиотекам.

Читательские конференции — это одна из новых форм пропаганды лучших произведений советских писателей — приобрели широкую популярность в области. Почти в этом большом и интересном деле принадлежит библиотекам.

Н. НИКИТУШКИН

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (2593)

Среда, 4 января 1950 г.

Цена 40 коп.

Советская наука в 1950 году

Мы печатаем сегодня сообщения, полученные от группы выдающихся ученых нашей страны, об их творческих планах на 1950 год.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Н. Я. МАРРА

Особое внимание советских языковедов обращено сейчас на разработку научного наследия академика Н. Я. Марра, основоположника материалистического учения о языке. В этой связи серьезное значение приобретает составление учебников для высших учебных заведений. В частности, сейчас составляются три труда: «Введение в языковедение» — учебник для студентов первых курсов университетов и педагогических институтов, учебник по общему языкознанию — для студентов старших курсов университетов и Академии Н. Я. Марр и советское языкознание — пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Работа ведется коллективом сотрудников Института языка и мышления Академии наук СССР при моем участии. Она будет продолжаться в течение всего 1950 года с тем, чтобы выпустить книги в 1951 году.

Акад. И. МЕШАНИНОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ

Основное свое внимание я уделяю разработке проблемы происхождения жизни, которую изучаю уже 27 лет. В начале 1950 года рассчитываю закончить работу над третьим изданием своей книги «Возникновение жизни на Земле», которая будет значительно дополнена в сравнении со вторым. Я включаю в него новейшие результаты исследований советских ученых в области сравнительной биохимии и достижения мичуринской биологии. В экспериментальной области я буду продолжать изучение химических процессов, совершающихся в коацерватных системах. Напомним, что это такое: при смешивании белков их молекулы объединяются в молекулярные рои; когда такой рой достигает большой величины, он выделяется из окружающей раствора в форме капли, видимой под микроскопом. Это и есть коацерватная капля. Выделение коацерватных систем — определенная ступень той эволюции материи, которая привела к возникновению жизни. В этих каплях заложены свойства, которые при определенном течении эволюции привели к возникновению простейших живых существ.

Акад. А. ОПАРИН

УЛУЧШЕНИЕ ПОРОД КРОТА

Предполагаю в 1950 году продолжать работу по вопросам породообразования. Чем лучше породы сельскохозяйственных животных, тем быстрее можно добиться от них увеличения продуктивности, повышения хозяйственных и племенных качеств. Советская зоотехническая наука должна возбудить нашу практику методами получения наиболее высокопродуктивных и жизнеспособных животных, способных наиболее полно удовлетворять ин-

Акад. А. ЗАВАРИЦКИЙ

КАТАЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ УГЛЕВОДОДОВ

Я занимаюсь сейчас вместе со своими сотрудниками исследованиями в области каталитических превращений углеводородов.

Акад. Н. ЗЕЛИНСКИЙ

тересам социалистического хозяйства. Для решения этой задачи лично мной за последние годы собраны огромные материалы, исчисляемые многими тысячами объектов и относящиеся к породам сельскохозяйственных животных европейских стран и республик Средней Азии. Разработкой этих материалов я и буду заниматься в новом году.

ТРИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акад. Е. ЛИСКУН

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1950 году намечают подготовить новое издание моей книги «Сингулярные интегральные уравнения». Эти уравнения, теория которых разработана за последние десятилетия главным образом силами советских математиков (в частности грузинских), находят эффективное применение в различных прикладных дисциплинах, как, например, гидродинамика, теория упругости и т. д. Первое издание книги выпущено в 1946 году. С тех пор получены многие новые результаты, расширяющие теорию этих уравнений. Имя и будет дополнено подготовляемое второе издание. В новом году я буду работать также над составлением основного курса теоретической механики для университетов, который предполагаю закончить в 1951 году.

Акад. Н. МУСХЕЛИШВИЛИ

ВУЛКАНЫ И МЕТЕОРИТЫ

Свои исследования я веду в области вулканологии, геологии и метеоритики. Вулканология дает много ценных данных о строении земной коры, ее движении. В последние годы я провел ряд экспедиций в Армению и на Камчатку. Эти экспедиции дали громадный материал, изучением которого я буду заниматься и в наступающем году.

Изучение медно-колчеданных месторождений Урала еще во время войны дало нам возможность выдвинуть новую теорию формирования этих руд. В ближайшем будущем предстоит развить эту теорию в более обобщенном и расширенном виде в приложениях к другим типам месторождений.

Новые и интересные данные получены в процессе нашей работы по составлению общего обзора коллекции метеоритов Академии наук СССР. Так, обнаружен, например, и подробно изучен метеорит, названный Л. Казана непостоящий до сих пор в метеоритной водосодержащий минерал. Кроме того, удалось выяснить процессы изменений, которым подвергались метеориты после их первоначального образования из капель и обломков планет на пути к земле под влиянием внешних воздействий.

Акад. А. ЗАВАРИЦКИЙ

КАТАЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ УГЛЕВОДОДОВ

Я занимаюсь сейчас вместе со своими сотрудниками исследованиями в области каталитических превращений углеводородов.

Акад. Н. ЗЕЛИНСКИЙ

Сотни книжных магазинов

КИЕВ. (По телефону). Спрос на книгу, в частности, на художественную литературу, растет из года в год, о чем свидетельствуют итоги, подведенные недавно украинскими книгопродавческими организациями. План продаж книг они выполнили в 1949 году на 110 процентов. В сравнении с 1948 годом читатель приобрел книг на 48 миллионов рублей больше.

Особенно возрос спрос на произведения марксизма-ленинизма. Выше 200 тысяч человек являются подписчиками произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Полностью была реализована программа по созданию книжных магазинов в книгоиздательстве Украины. Книжки советских писателей, лауреатов Сталинской премии, раскупаются партиями.

Непрерывно расширяется книготорговая сеть. В минувшем году в республике открыто 420 новых книжных магазинов, киосков и лотков. В новом году будет открыто еще 350 книжных магазинов и 200 киосков, в большинстве своем в сельских местностях.

Премии имени Абая и Джамбула

АЛМА-АТА. (Соб. инф.). Совет Министров Казахской ССР присудил премии имени Абая и Джамбула за выдающиеся произведения в области казахской литературы и искусства.

Первая премия имени Джамбула в размере 20 тысяч рублей присуждена писателю Табынту Муштафу за книгу «Миллионер», показывающую расцвет колхозного строя в Казахстане.

Второй премией имени Абая (в размере пятнадцати тысяч рублей) удостоена поэтесса Тамра Жарокова «Лес в пустыне зашумел».

Первая премия имени Абая не присуждалась.

Неизвестные автографы Н. А. Некрасова

В Ленинграде, Одессе и Казани обнаружен ряд неизвестных автографов Н. А. Некрасова.

Роман Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Троицкого», считающийся утраченным, был опубликован, как известно, в 1931 году по рукописи, найденной ленинградским профессором В. Евгеньевичем-Максимовым. Сейчас аспирант А. Гаркави разыскал еще один отрывок, связанный с романом о Троицком. Статья об этом напечатана в очередном томе «Ученых записок Ленинградского университета» имени А. А. Жданова.

Научная сотрудница Одесской государственной библиотеки М. Копыленко обнаружила автограф стихотворения «Деревенские новости». Он ценен тем, что дает несколько новых вариантов текста.

В одной из книг библиотеки казанского краеведа и коллекционера В. Егерева обнаружен автограф «Родины». Дарственная подпись, сделанная Некрасовым на этой книге, гласит: «А. Ф. Лихачеву от автора». Лихачев — видный этнограф, археолог и нумизмат — находился в родственных отношениях с семьей Панаевых.

Найденный вариант «Родины» — самый ранний из всех известных автографов и авторизованных копий этого стихотворения Некрасова. В автографе имеются восемь строк, которые до сих пор совершенно не были известны. В них дана поэтическая характеристика безвременно скончавшейся сестры поэта Елизаветы Алексеевны.

За боевую, принципиальную литературную критику!

С пленума правления ССП Казахстана

В Алма-Ата состоялся пленум правления Союза советских писателей Казахской ССР, посвященный вопросам литературной критики. Вступительное слово сказал М. Ауэзов. С докладом «О состоянии и задачах критики в казахской советской литературе» выступил председатель правления ССП Казахстана С. Муканов.

Докладчик подчеркнул, что профессиональная казахская литературная критика зародилась и получила свое развитие только в советское время; она росла одновременно со всей казахской советской литературой. Критика помогла советским писателям Казахстана в повышении идейно-художественного уровня их произведений, вела борьбу с буржуазно-националистической идеологией.

Оценивая нынешнее состояние казахской литературной критики, С. Муканов отметил, что она еще отстает от общего литературного развития и не отвечает новым, вставшим перед ней задачам.

Руководствуясь историческими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическому вопросу, казахские писатели создали такие значительные произведения, как романы «Абай» М. Ауэзова, «Миллионер» Г. Мустафина, «Судаят из Казахстана» Г. Мустафина, пьеса «Дружба и любовь» А. Абиева. Успех декады казахской литературы в Москве вызвал новый подъем творческой активности писателей Казахстана.

М. Ауэзов опубликовал новый роман «Акынлар Атасы», посвященный последнему периоду жизни выдающегося казахского мыслителя Абая. Г. Мусрепов закончил пьесу «Амангелды», Г. Мустафин — пьесу по сюжету одноименного романа «Миллионер». Т. Жарокова выступила с поэмой «Лес в пустыне зашумел».

В создаваемой в области казахской литературной критики нельзя назвать ни одной (сколько-нибудь серьезной) книги. Характерно, что и на одно из новых художественных произведений критика до сих пор в печати не отозвалась.

Касаясь отдельных произведений казахской литературы, докладчик указал на ряд их недостатков.

Однако в литературной критике ни достижений, ни недочеты в творчестве писателей фактически не получают должной оценки. В этом, прежде всего, повинны те критики, которые живут в отрыве от казахской советской литературы и не принимают активного участия в ее повседневной жизни. Многие из них, как, например, Е. Исмаилов, Б. Кенжебаев и др., за последние годы всецело отдались исследованиям литературы прошлого, а проблемами современной казахской литературы занимаются от случая к случаю.

В периодической печати, на страницах республиканских газет и журналов трудно найти критические статьи, в которых серьезно разрабатывались бы насущные вопросы казахской советской литературы. Докладчик привел такой пример. В 1948 году Казахское государственное издательство выпустило 60 книг художественной литературы, но только об одиннадцати из них появились рецензии.

Теоретический уровень опубликованных статей и рецензий очень низок, в них нет глубокого анализа произведений. Конкретный разбор идейно-художественной ценности книг некоторые критики, не знающие жизни, подменяют общими фразами, поверхностными замечаниями или беглым пересказом содержания. Недостатком является марксистско-ленинское учение, критика обнаруживает беспомощность во многих теоретических вопросах, не умеют определить, насколько то или иное художественное произведение отвечает принципам социалистического реализма. Большой пробел в литературной критике Казахстана — отсутствие обстоятельных обзорных статей, обобщающих творческий опыт литературы.

Ведущие писатели не выступают с критическими статьями, разрабатывающими насущные проблемы развития казахской советской литературы.

сателю фактически не получают должной оценки. В этом, прежде всего, повинны те критики, которые живут в отрыве от казахской советской литературы и не принимают активного участия в ее повседневной жизни. Многие из них, как, например, Е. Исмаилов, Б. Кенжебаев и др., за последние годы всецело отдались исследованиям литературы прошлого, а проблемами современной казахской литературы занимаются от случая к случаю.

В периодической печати, на страницах республиканских газет и журналов трудно найти критические статьи, в которых серьезно разрабатывались бы насущные вопросы казахской советской литературы. Докладчик привел такой пример. В 1948 году Казахское государственное издательство выпустило 60 книг художественной литературы, но только об одиннадцати из них появились рецензии.

Теоретический уровень опубликованных статей и рецензий очень низок, в них нет глубокого анализа произведений. Конкретный разбор идейно-художественной ценности книг некоторые критики, не знающие жизни, подменяют общими фразами, поверхностными замечаниями или беглым пересказом содержания. Недостатком является марксистско-ленинское учение, критика обнаруживает беспомощность во многих теоретических вопросах, не умеют определить, насколько то или иное художественное произведение отвечает принципам социалистического реализма. Большой пробел в литературной критике Казахстана — отсутствие обстоятельных обзорных статей, обобщающих творческий опыт литературы.

Ведущие писатели не выступают с критическими статьями, разрабатывающими насущные проблемы развития казахской советской литературы.

Докладчик остановился также на отдельных работах русских критиков в Казахстане. Он выразил сожаление, что о языке и стиле казахских писателей почти не берутся писать критики, не владеющие казахским языком и не знакомые с произведениями в оригиналах. На страницах альманаха «Казахстан» часто выступает со статьями о творческой взаимосвязи ка-

заховой литературы с русской литературой критик М. Ритман-Фетионов. Но он рассматривает этот важнейший процесс с чисто формалистической точки зрения. Так, в статье о Горьком и казахской литературе он судит о влиянии Горького на творчество казахских писателей лишь по внешним признакам. Поэтов и прозаиков, в чьи произведения встречаются слова «сокол», «буря», «буревестник», критик механически записывает в послесловии Горького, но не раскрывает всей глубины идейного влияния Горького на этих писателей. В статьях о Джамбуле М. Ритман-Фетионов «анализирует» поэтику Джамбула, не зная языка оригинала.

Казахская литературная критика, — сказал в заключение С. Муканов, — должна решительно перестроить свою работу, достойно отвечать на возросшие запросы читателей, активно помогать писателям в создании высококачественных художественных произведений, воспевающих боевые и трудовые подвиги советских людей.

В прениях участники пленума горячо говорили о недостатках казахской литературной критики и путях ее улучшения. Многие из выступавших справедливо критиковали правление ССП Казахстана, а также редакцию журнала «Абсолют жане искусство» («Литература и искусство») и альманаха «Казахстан» за то, что борьба за принципиальную большевистскую критику еще не стоит в центре их повседневной деятельности. Правление ССП, его печатные органы не направляют творческую работу литературных критиков, не занимаются их воспитанием. Отмечалось также, что среди некоторых ведущих казахских писателей еще бытует нетерпимое отношение к критике.

Кандидат филологических наук, директор Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР М. Табулдалин сообщил пленуму о работе института, научными силами которого создается четырехтомная история казахской литературы. Он отметил, что до сих пор литературными критиками не создано больших монографических работ о современных казахских писателях; это затрудняет создание истории казахской советской литературы.

На отсутствие серьезных теоретических работ, освещающих проблемы развития отдельных жанров казахской советской литературы, указывали поэты А. Тажибаев и Х. Джамалев.

Писатели Т. Сагымбаев, М. Ахметжанов и другие говорили о низком теоретическом уровне критических работ, опубликованных в журнале «Абсолют жане искусство» и альманахе «Казахстан». Примером может служить крайне бесомысливая статья Т. Нуртазина о романе М. Ауэзова «Абай». На бесприщипность и серьезные ошибки в статьях М. Ритмана-Фетионова и А. Брагина указывали писатели П. Богданов, Д. Снегина, Д. Рабуха, М. Лихачев и др. Редактор журнала «Абсолют жане искусство» К. Джармагабетов рассказал о мерах, принимаемых новой редакцией для повышения идейно-художественного уровня журнала.

Критик Е. Исмаилов полностью признал допущенные в его работах ошибки, обещал выправить их и чаще выступать со статьями по актуальным проблемам казахской советской литературы. Но никто не удовлетворило выступление Б. Кенжебаева, пытавшегося «оправдать» примитивность своих критических суждений тем, что его статьи якобы сильно сокращают и этим «выхолащивают» их проблемность.

Участники пленума, обсуждая проблемы литературной критики, касаясь и других вопросов развития казахской советской литературы, Секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана С. Кунабаев посвятил свое выступление задачам подема литературы для детей и молодежи. В прениях высказались также писатели Г. Сланов, А. Кошумов, Т. Ахтанов и другие.

В конце заседания с речью выступил секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. И. Омаров. Он охарактеризовал ближайшие творческие задачи писательской организации Казахстана и подчеркнул настоятельную необходимость развертывания боевой, принципиальной литературной критики, пронизанной идеями партийности, вооруженной марксистско-ленинской методикой.

КНИГА И ЖИЗНЬ

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Специальный корреспондент «Литературной газеты»). В хуторе Божков, Каменского района, селась народ из шести окружных колхозов: председатели, бригадиры, рядовые колхозники. На повестке дня был один вопрос: строительство межколхозной гидроэлектростанции.

Собрание это — чисто деловое, производственное — началось с обсуждения романа С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды». Речь шла не только о художественных качествах романа (он прочитан на Дону, кажется, всеми — от школьников до стариков). На собрании изучали организационный опыт устьевниковцев.

— То, что сделали в Усть-Невинской, и нам по плечу, — говорил секретарь партийной организации колхоза имени Первой Конной армии тов. Н. Рогачев. Если считать силы шести наших колхозов, то станет ясно, что мы можем построить на реке Лыхой сразу две плотины и соорудить гидроэлектростанцию. Здесь, конечно, неизбежны трудности, но вспомните, как добивались цели Тугаринов и его помощники...

Тугариновский почин оказался настолько убедительным, что решение о строительстве гидроэлектростанции методом народной стройки было принято единодушно.

Это не единственный случай, когда художественное произведение активно помогает строить жизнь. В областном отделе культурно-просветительной работы недавно подчитали: за последние два года в городах и селах Дона проведено свыше тысячи читательских конференций и литературных вечеров. И каждый раз после обсуждения, например, «Кавалера Золотой

Звезды» С. Бабаевского, «Счастья» П. Павленко или «От всего сердца» Е. Малышева в колхозную жизнь обязательно приходило какое-либо новшество, навеянное этими произведениями.

Передставляешь решения таких конференций и читаешь: «Ускорить перепланировку хутора по архитектурному проекту»; «Идеально строить в нынешнем году, а не в будущем»; «Создать колхозный парк культуры и отдыха».

В решении читательской конференции, состоявшейся на хуторе Малая Каменка, было записано: «Включить Малую Каменку в государственную высоковольтную сеть, работать методом народной стройки». Электрификация, а затем и радификация были завершены в самый короткий срок.

О бумаге и бумажных душах

Николай АСАНОВ

В нашей стране, в стране коммунистической идеологии, в стране самой передовой в мире науки, повсюду встречается всеобщая поддержка народа. Каждое полезное новшество обычно находит свое материальное воплощение быстрее, чем хотелось бы.

Однако и у нас иногда попадаются люди с холодной кровью, которые все новое, несущее как-то заботы, беспокойства, смущающее их твердокаменный ум, встречают в штыки. Эти люди, возводящие стены равнодушия перед изобретателями и новаторами, приносят вред народному делу.

Восемнадцать лет назад в мире бумажной промышленности произошло чрезвычайное событие. Два тогда еще молодых изобретателя — М. Бондаренко и М. Дмитриев — создали способ производства так называемой шелковой бумаги, длиноволокнистой, необычайно эластичной и прочной. Бумага эта крайне необходима для производства роторной пленки-восковки, миканлентной бумаги, идущей на электроизоляцию, она может заменить многие технические ткани. Но самое главное — способ, разработанный товарищами Дмитриевым и Бондаренко, позволяет искать и находить возможности для производства все новых и новых сортов бумаж-замениителей. Так, в последние годы изобретателями разработаны способ производства «ветхой» стекляной бумаги, которая может заменить известный с древности пергамент; напечатанные на такой бумаге книги, в сущности, могут жить вечно.

Если добавить к этому, что японцы изготовляют эту бумагу из сырья, растущего только у них на островах: растения козу, гампи, мисутама давали длинные и тонкие волокна, способные изготовления бумаги строго засекречивались, и ни одна страна в мире не могла наладить у себя производство этой бумаги (заменившей специализирует по бумагам немец Гейер даже утверждал в печати, что изготовить бумагу, заменяющую японскую, никто никогда не сможет), — то станет ясна важность изобретения советских специалистов.

Советские изобретатели не только наладили способ изготовления подобной бумаги из отечественного сырья, но сделали такую шелковку, которая по многим показателям превосходила японскую. Как только было доказано, что советский способ хорош, работникам Госплана и бумажной промышленности следовало позаботиться о реализации изобретения. Бондаренко и Дмитриеву нужно было предоставить возможность улучшить и совершенствовать свой способ, искать новые области применения изобретенных ими бумаг. Во всяком случае, так должны были мыслить люди государственного склада ума...

Все оказалось не так. Я уже сказал, что изобретатели предложили свой способ восемнадцать лет назад. Но формальности просто отказались помочь изобретателям на том основании, что способ производства новой бумаги больше похож на текстильный. Следовательно, пусть этим и занимаются текстильщики! Так легко и просто изобретение было выброшено за порог ведомства.

Изобретатели долго и упорно бивали пороги Главбумпрома и, в конце концов, вер-

нулись туда, откуда пришли, — в промышленную кооперацию Ленинграда. Там руководители оказались более сговорчивыми, и вот в 1934 году была построена первая, пока еще примитивная, маломощная машина.

Однако изобретатели не успокоились. Они снова обращаются к руководителю бумажной промышленности, но теперь у них повышенные требования. Они говорят о возможности производства многих сортов бумаги. Они хотят провести теоретическую базу под свой способ производства. Вель машина работает. Жизнеспособность нового способа бумажного производства блестяще доказана. Ну что же, работники бумажной промышленности согласны. Они назначают изобретателей в Центральный научно-исследовательский институт бумаги, они даже повышают им зарплату, они не делают только одного — не строят новой машины, не внедряют нового способа на фабриках.

Еще три года, море чернил и горы неписанной бумаги. Это, так сказать, холщевая формула. А представьте, сколько за этой формулой напрасно потраченной энергии и денег. И только в 1937 году бумажники построили одну машину, которая к тому же была не лучше той, что строила скромная артель. Но и одна эта машина позволила отказаться от импорта шелковки.

В 1940 году Наркомат целлюлозной и бумажной промышленности издал приказ о проектировании первой фабрики для производства бумаги по новому способу.

Несмотря на это решение, бумажники снова спихнули новый способ производства, а вместе с ним и изобретателей в текстильную промышленность. Война приостановила строительство фабрики. Машина, находящаяся на почтении бумажников, во время эвакуации была повреждена. Оставалась только одна машина в блокаде Ленинграда. И изобретатели едут в Ленинград. Там под бомбами и снарядами их машина производит столь необходимую для электромоторов изоляционную бумагу. Электрики поддерживают новаторов. И в 1946 году уже две машины непрерывно изготавливают новую бумагу. В 1948 году изобретатели получают звание лауреатов Сталинской премии. Теперь и работники Министерства лесной и бумажной промышленности платят им поздравительные телеграммы. Кажется, дело пошло на лад.

Передо мной с десяток копий писем, написанных изобретателями только в последний год различных организациям с просьбой о помощи. Возможно, что т. Орлов, министр лесной и бумажной промышленности СССР, вспомнит некоторые из этих писем и свои резолюции на них. Например, на письмо, посланное изобретателями тов. Орлову в июле 1949 года, министр написал: «Комарову, Малютину. Лично рассмотрите заявление тт. Дмитриева и Бондаренко. Проверьте и доложите мне, почему не внедряется в производство бу-

мажной промышленности способ производства длиноволокнистых бумаг, и подготовьте точный приказ. Надо виновных наказать». 26.VII.49. Орлов».

На этом же письме есть вторая резолюция — заместителя министра: «Загрязнину. Решение министра — строить. Войти в Правительство. 9.VIII.49. Извекое».

Позвольте же задать вам, товарищ министр, вопрос: кто терпит ваши приказы? Почему изобретатели были вынуждены вторично обратиться к вам по этому же вопросу 15 ноября, когда они выяснили, что во исполнение вашего приказа ничего не делается? Разве недостаточно было в распоряжении, чтобы убедить начальника Главбумпрома тов. Загрязнину, что ему поручают дело государственной важности?

А чем объяснить позицию представителя Госплана тов. С. Васильевского, который снова воскресил старый вредный аргумент, сказав на совещании у заместителя министра лесной и бумажной промышленности тов. С. Комарова, что «эта продукция не является бумажной продукцией»? Или его же заявление о том, что «мы в Госплане не чувствуем потребителей на эту бумагу...»? Может быть, тов. Васильевскому следовало предварительно ознакомиться с громадными требованиями на такую бумагу в электротехнической промышленности?

А что означало заявление работника Технического управления министерства тов. Соколовского о том, что бумага этих изобретателей «сумасшедшая» и что изначем им самим мучиться и других мучить, и пора бросить это дело? С каких позиций рассматривает государственные дела этот товарищ?

Итак, прошло восемнадцать лет. Выдающиеся изобретатели получили высокую оценку советского правительства, присвоившего его авторам звание лауреатов Сталинской премии. Очевидно, работники министерства Загрязнину, Соколовский, Малютин и другие их сторонники держат его мнение об изобретении, иначе чем же объяснить столь длительное и упорное противодействие, оказываемое ими этому новшеству? И вызывает недоумение тот факт, что эти работники министерства остаются безаксаанными, несмотря на столь явный ущерб, который причиняют его государству. Непонятно и терпимое отношение министра тов. Орлова к этим людям, к недостаткам в их работе.

«Руководитель, не замечаящий недостатков, мирящийся с недостатками, не способен двигать дело вперед, действует не на пользу государству, а в ущерб ему». Эти строки из статьи товарища Маленкова, опубликованной 21 декабря 1949 года, являются серьезным предостережением некоторым руководителям работников Министерства лесной и бумажной промышленности СССР.

Советское правительство присуждает высокое звание лауреата Сталинской премии за работы, ценность и полезность которых для Родины исключительно велики. Правительственная награда за изобретение в нашей стране является как бы директивной для внедрения его в жизнь. Очевидно, некоторые чиновники из Министерства лесной и бумажной промышленности этого не хотят понять.

Приоритет русских медиков

При Академии медицинских наук СССР начала работать комиссия, которой поручено упорядочить названия болезней и медицинскую терминологию. Председателем комиссии утвержден действительный член академии проф. В. Молчанов.

Задача комиссии, — сказал он в беседе с корреспондентом «Литературной газеты», — «восстановить приоритет русских ученых в медицинской науке. Дело в том, что в медицине, да и во многих других областях науки и техники иностранцы, используя многочисленные открытия и достижения наших ученых, как правило, не только замалчивают наш приоритет, но и присваивают эти открытия себе.

Можно привести много примеров. Еще в 1895 году знаменитый русский педиатр Н. Филатов описал признак, который имеет очень важное значение для раннего распознавания кори. И хотя американец Конплик описал этот же признак спустя несколько лет, он получил в американской литературе имя не Филатова, а американца Хроникаса неподвижность позночника известна за границей под именем болезни Пьера Мари-Штрюмпеля. Между тем, знаменитый русский невропатолог В. Бекхтерев на много лет раньше описал эту болезнь. Лимфатическое кольцо носоглоточного пространства иностранцы называют кольцом Вальдейера. Однако задолго до Вальдейера это кольцо было подробно описано Н. Пироговым, и т. д.

А. НЕЧАЕВ

Составители и искажители

Народные сказки, раскрывающие, по словам великого Ленина, чаяния и ожидания народные, близки и дороги каждому советскому читателю. Основоположник советской литературы А. М. Горький, подчеркивая глубокий идейный смысл народных сказок, не раз повторял, что в них воплощена мечта народа об улучшении жизни, его борьба против социальной несправедливости.

Художественное творчество трудовых масс пользуется большой любовью у советских читателей, особенно у детей.

Достаточно сказать, например, что только в Делтисе в течение последних четырех лет выпло более семидесяти книг народных сказок, считая и переиздания. Подобные сборники издаются и многими другими издательствами — центральными и областными.

Давно пришла пора поговорить об этих сборниках, посмотреть, в какой степени они содействуют коммунистическому воспитанию наших детей, все ли в них отвечает высоким воспитательным целям, которые поставлены перед советской литературой партии и народом.

Конечно, наши советские издания принципиально отличаются от старых, дореволюционных. Составители наших сборников стремятся донести до читателей глубокое идейное содержание и богатство поэтического содержания народных сказок, ведут борьбу за полноту народных традиций в устном творчестве. Именно эти черты отличают сборники русских сказок в прекрасных пересказах А. Толстого, сказки П. Бажова, сказки дальневосточных народов СССР в сборнике «Амурские сказки» Д. Нагишкина, отдельные произведения в новых сборниках И. Карнаухова «Русские богатыри» и «Непаганная красота» и другие.

В этих сборниках составители сумели подчеркнуть подлинно народные, свобододобивые тенденции, передать художест-

венные особенности поэтического творчества трудовых масс.

Однако в изданиях детских книг народных сказок наряду с бесспорными достоинствами существуют еще неправильные тенденции, с которыми надо решительно бороться.

Один из недостатков подобных книг — их однообразный состав. Один и те же сказки копируют из сборника в сборник. Как-то повелось, что издаются, главным образом, сказки о животных. Эти сказки, предельно зашифрованные, в основном, для детей дошкольного возраста, содержат мало и поэтически. Издавать их, безусловно, необходимо, но ограничиваться лишь ими невозможно. Этим нарушается правильное представление о многообразии и богатстве поэтической культуры русского народа, и, самое главное, читатели липаются наиболее ценного, что есть в народной поэзии. Мало в этих сборниках чудесных или фантастических сказок, в которых, по словам А. М. Горького, воплощено «технологическое мышление» народа, дерзкая мечта, зовущая к преобразованию действительности. Почти не пользуются вниманием составителей бытовые сказки. А с какой силой и остротой звучат в них ноты социального протеста, как зло и едко высмеивает здесь народ своих исконных врагов — паря, барина и попа!

Ценнейший воспитательный материал содержат исторические предания и сказки. В них народ с большой любовью рассказывает о жизни и подвигах простых людей, прославившихся умом, храбростью и самоотверженной, беззаветной любовью к Родине. Однако они у нас почти совсем не издаются.

Но неполнота охвата произведений устного творчества — это еще полбеды. Гораздо хуже другое. В союжении у нас до сих пор еще встречаются отдельные произведения, а иногда и целые сборники, в которых искажаются идейное содержание народных сказок, преданий, легенд.

Главная задача литераторов-сказочников заключается в том, чтобы в популярную книгу избранных произведений во-

шло то, что типично для подлинно народного творчества, всегда жизнеутверждающего и богатого по содержанию.

Ведь не всякое произведение, записанное собирателями, по своей идейной направленности и по художественным достоинствам выражает мысли и чувства народных масс. В материальном устном-поэтического творчества есть отголоски различных пережитков и предрассудков, давно забытых народом, есть классово-чуждые напластования, нередко искажающие первоначальный подлинно народный смысл.

Но вот в Москве в 1948 году в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник «Украинские народные сказки» (составитель и переводчик Г. Петчинок).

Книга эта может послужить печальным примером того, как не надо издавать фольклор. Ничего, кроме вреда читателям, она принести не может. Она засорена произведениями безидейными, убогими и по содержанию и по форме.

Возьмем, к примеру, сказку «Как дика оживляла бабу». Эта сказка, типичная для всего сборника, представляет собой соединение христиански-первобытных элементов с натуралистическими деталями. Она начинается так:

«Ходил дед на вербину неделю в перек. Взял себе там освещенную вербу, да такую красивую, что ни разу еще подобной и брать не случалось. Пришел дед из перья и, не захотя в хату, воткнул священную вербу во дворе напротив красного угла. И росла так быстро, что до Троицына дня выросла прямо до самого неба. И пришлось деду, будто явился к нему ангел и сказал:

— Дедушка, скоро настанет страшный суд. Если хочешь спастись, то забрай свою бабусю и полезай на небо...»

Обычно в народных сказках с подобным сюжетом старик летит на небо не по освещенной вербе, а по дымящему выросту бобы или гороху, и совсем не во плуницию ангела, а из злобности. Зачем же Г. Петчинову потребовалось включать вариант с такой не характерной для народной поэзии завязкой?

Большинство сказок — также, как «Змей», «Паревна-жаба», «Березовый и его путешествие к солнцу», «Жадная по-

Грустная история «огневых карандашей»

«Огневые карандаши» — так называют пастельные карандаши старейшего художника Донбасса П. Северина.

Много лет тому назад И. Северин познакомился во время своей заграничной поездки с французской пастелью фирмы Ле-Франка. Попробовав рисовать ею, художник был удивлен. На Украине он сам делал карандаши более сочных и ярких цветов, чем эти английские пастели.

Вернувшись на родину, И. Северин начал упорные поиски новых глин, рецептов, технологий для пастельных карандашей. Художник стал геологом. Его видели в горах Тянь-Шаня, на Закарпатье. Пешком он обошел весь Донбасс, исследуя обрывистые берега рек и ручьев, карьеры, рудники. Под Часов-Яром художник наткнулся на месторождение удивительной глины, бежеской и жирной, как масло. Были исследованы замечательные изюмские глины — желтая, охристая, синяя... И тогда начались другие поиски. Мастерская художника превратилась в химическую лабораторию. Меняли виды глины и температуру обжига карандашей, изобретатель получал все новые цвета.

Так родились «огневые карандаши» Северина. Специальная комиссия Московского союза художников, в которую вошли гг. И. Грабарь, К. Юон, Ф. Решетников, А. Рыбников, дала этим карандашам очень высокую оценку и рекомендовала организовать их массовое производство.

В 1939 году Всесоюзное бюро новизны выдало И. Северину авторское свидетельство на изобретение. Художник-новатор начал работать на карандашных фабриках консультантом-техником. Фабрике в г. Славянске он бесплатно передал рецептуру своих «огневых карандашей». Их производство должна была организовать и московская фабрика «Палитра».

Следовало ожидать, что после окончания войны производство «огневых карандашей» будет организовано. Но в Москве на фабрике «Палитра» просто забыли о работавшем Северина. Славянская карандашная фабрика, находящаяся рядом с источником сырья, «огневых карандашей» также не производит.

Напоминая об изобретении художника И. Северина, мы надеемся, что за это дело возьмется Союз советских художников и Академия художеств СССР и добьются, наконец, производства «огневых карандашей». Высококачественных, ярких отечественных пастелей с нетерпением ждут тысячи советских художников.

А. НАУГОЛЬНОВ, Л. МАРХАСЕВ

СТАЛИНО

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЗА БОЕВОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ЖУРНАЛ!»

Под таким заголовком была напечатана в № 94 от 23 ноября 1949 г. статья П. Аламышева, в которой он подверг критическому разбору «Известия Всесоюзного географического общества». В статье указывалось, что журнал оставляет без внимания животрепещущие вопросы современной географической науки и устранился от борьбы с буржуазной географией.

В ответ на эту статью президент Географического общества СССР академик Л. Берг и ученый секретарь доктор географических наук проф. С. Колесник опубликовали редакцию: Ученый совет Географического общества Союза ССР, обсудив, совместно с активом общества, статью П. Аламышева «За боевой географический журнал!», признает, что тов. Аламышев в основном правильно отметил недостатки содержания журнала «Известия Всесоюзного географического общества».

Ученый совет рассматривает статью тов. П. Аламышева как документ, содействующий работе Географического общества и его центрального печатного органа. Намечены практические мероприятия, направленные к коренному улучшению журнала.

Внешне на заводе все как будто бы благополучно. Недавно руководство даже рапортовало о выполнении плана. Директор завода тов. В. Чугунов докладывал о ликвидации хозяйственной запущенности, оставленной его предшественниками. Но уменьшился ли брак? Нет. Инвалиды попрежнему предлагают тяжелей, неудобные, некрашенные протезы и ортопедическую обувь, изготовленные из низкосортного сырья и плохих полуфабрикатов, попрежнему нарушаются все сроки сдачи заказов и так же, как раньше, никто не учит инвалидов пользоваться протезами.

Между протезным заводом и краевым госпиталем для инвалидов Отечественной войны, между заводом и его собственной медицинской частью — глухая стена противоречий. «Староны» вразудило открыто. Директор завода, например, с удовлетворением сообщает об ошибках медицинской части, приводит примеры неправильных назначений — мы, дескать, только производим, выполняем предписания врачей. А «они» — и плохо протезируют, и неточно подгоняют, и «на-глазок» примеряют, и совсем не бывают в цехах.

Слов нет, многие из этих обвинений в пересказе А. Кудряшовой называется «Вот Вотоговичев». Достаточно сравнить этот пересказ с пересказом А. Толстого, как сразу обнаружится, что пересказ А. Кудряшовой только ухудшил произведение.

А. Кудряшова выкинула упоминание о своеобразии кота и тем самым совершенно лишила социальные мотивы, то-есть извратила смысл народной сказки. Да сказки как художественного произведения в пересказе А. Кудряшовой, собственно, и нет. Она расписалась, потому что все стало ладным и убедительным. Испонята стало, например, почему большие и сильные звери боялся кота, пусть и сердитого?

Вытравив социальный смысл, А. Кудряшова уже не в состоянии разоблачить наглость кота и лису, и получает по ее пересказу, что хитрость и ловкость, не стесняющиеся никакими средствами, победяют.

Неудачны и остальные сказки в сборнике А. Кудряшовой.

Напрашивается вопрос: почему Детиз (редактор книги Е. Рогова) издалтиражом в 200.000 экземпляров плохие пересказы А. Кудряшовой, когда в том же издательстве те же сказки много раз переиздавались в хороших пересказах А. Толстого?

Большинственная требовательность и непростительная борьба за идейную чистоту советской детской литературы должны определять собой принципы составления и редактирования сборников народных сказок.

В чем успех чудесной книги П. Бажова «Малахитовая шкатулка»? П. Бажов, талантливый писатель, подошел к сказкам и преданиям, как подлинный наследник, не только владеющий этим материалом и исторически осмысливающий его, но и до тонкости оцнивающий идейный смысл и художественное своеобразие творений своего народа. Сохранив в записанных им устных сказах все главное и типичное для подлинно народной поэзии и испончив эти материалы от наносного — от суеверий и предрассудков, давным-давно забытых народом, от всех классово-враждебных напластований, П. Бажов создал замечательную, радостную книгу.

По этому же принципу строится большинство пересказов русских народных сказок, сделанных А. Толстым.

И это единственно правильный путь.

А. КУЛИК, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Иммунитет к... жалобам

Не найти, пожалуй, другого предприятия в крае, продукция которого вызывала бы столько жалоб и нареканий, доставала бы потребителям столько неудобств и неприятностей, как продукция Краснодарского протезного завода. Сотни людей пользуются услугами этого единственного в крае протезного завода. О том, как обслуживает это предприятие своих клиентов, свидетельствует письмо инвалида Отечественной войны Василия Колесникова.

«Краснодарский протезный завод изготовил мне новый протез... Более трех месяцев я упорно и настойчиво пытался освоить его, но безуспешно. Такой протез мне не нужен, и я пытался его вернуть заводу. Но там не принимают, считают, что протез изготовлен по инструкции. Расписка в получении заказа имеется, а до остального никому нет дела».

Таких фактов множество. Десять раз ездил инвалид Отечественной войны Иван Витуско из станции Смоленской в Краснодар за протезом. 22 июля протез ему вручили, а через шесть дней Витуско пришел на завод с отрывавшейся раной. Причина? Плохой протез. Два с половиной года делал Харутовою ортопедическую обувь. Заказ Кривошевой, принятый еще в 1947 году, до последних дней находился на заводе.

В чем же дело? Как может волонтер завода мириться с браком, с неадекватом, с преступным нарушением сроков сдачи заказов? Разве не видит работники завода за листами заказов живых людей, которым необходимы хорошие и удобные протезы?

На эти вопросы отвечает главный врач завода П. Соболев:

— Мы привыкли к жалобам инвалидов. Выработался своего рода «иммунитет»... Уж не ослышался ли я? Неужели советский врач, человек, призванный лечить инвалидов, может столь холодно и равнодушно говорить о деле, которое ему поручено? Ученое слово «иммунитет», что означает невосприимчивость, — у устах Соболева звучит, как издевательство.

И это не оговорка. Вся практика работы завода и его медицинской части убеждает в этом.

В чем же истинные причины позорной работы Краснодарского завода? Чтобы разобраться в них, вернемся к выступлению писателя Алексея Югова «Человек превратился в голую давность. Речь идет о статье протезирования. Министерство социального обеспечения РСФСР нашло тогда постановку этих вопросов весьма своевременной. Но многое ли изменилось с тех пор? Печальный опыт Краснодарского протезного завода вновь диктует необходимость возврата к «старой» теме.

справедливы. Это подтвердило тщательное изучение работы медицинской части завода. Но почему же директор, партийная организация, заводом не принимают всех желающих от них мер, чтобы наладить работу завода?

Мало того: многие претензии директора к медицинской части острей обращаются против него самого. Часто в цехах не считаются с указаниями врачей, небрежно выполняют заказы, делают в первую очередь то, что выгоднее и легче, не соотносясь с нуждами инвалидов. Мало интересуется качеством отделки, косметической стороной дела, легкостью протеза. Это считается «дроскошь». Стремясь поскорее выполнить план, руководители завода ориентировали медицинских работников на сокращение числа примерок, чтобы достичь «серийного» производства.

А сколько неполадок в цехе ортопедической обуви. Для выполнения заказа полагается 30 дней; но сложную обувь здесь всячески стараются «отложит». Многие заказы лежат с февраля, а марта... Выпускаемые заводом ботинок некрашены, сделаны грубо, толерно.

Совсем не делают успешной ортопедической обуви с верхом из фетра или войлока; не прудумали вопрос о резиновой обуви — для грязи, дождя, снега. Не прудумали, хотя это мешает инвалидам передвигаться в плохую погоду.

Завод оборудован плохо. Нет простейших измерительных приборов. Бригады и контрольные мастера принимают протезы на-глазок, взвешивают их либо «прикидку», либо на обыкновенных складских весах! Такова производственная «культура» завода!

Несколько слов о сырье. Завод-поставщик шлюет слюда колу самых низких сортов. Так, хром, поступающий в Краснодар из Таганрога (сорт 5), имеет множество пятен, неравномерен по толщине. Как могут кожевики Таганрога сывать такую низкосортную продукцию заводу, выполняющему заказы инвалидов Отечественной войны? Тоже, наверное, не прудумали...

А полуфабрикаты, поступающие с других предприятий того же Министерства социального обеспечения РСФСР — с Шахтинского, Черниковского, протезно-механического, завода им. Семашко и других? Краснодарцы часто вынуждены задерживать сдачу протезов инвалидам из-за нехватки ничтожной детали! В июле московские работники РСФСР выслали в Краснодарский протезный завод прямую ответственность несет Министерство социального обеспечения. По, очевидно, «иммунитет» к жалобам инвалидов выработался не только у краснодарцев.

Советское государство не жалует средств на обеспечение и трудовое устройство инвалидов Отечественной войны; протезы и ортопедические изделия выдаются им бесплатно. Закон стоит на страже интересов советских людей, ставших инвалидами. Закон о пятилетнем плане предусматривает производство для инвалидов Отечественной войны усовершенствованных протезов высокого качества. Государство наше по-сталински заботится об инвалидах.

Как же могут работники, призванные эту работу осуществлять, оставаться безучастными к нуждам и требованиям советских людей?

Мириться с этим нельзя!

КРАСНОДАР

Мы, студенты Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, прочитали «Открытую книгу» В. Каверина, опубликованную в журнале «Новый мир» (№ 9, 10 за 1949 год), и решили выразить наше коллективное мнение на страницах «Литературной газеты».

Мы знаем В. Каверина как автора «Двух капитанов», книги о судьбе мальчика Сани Григорьева, на чью долю выпало разгадать загадки и тайны, связанные с путешествием капитана Татаринова, смелого открывателя новых земель. Нам полюбилась мужественная книга, исполненная романтики исканий и подвигов, рассказывающая об отважных русских землепроходцах и о героических русских людях. Она воспитывает в нашем юношестве действительно любовь к Родине, отвагу, находчивость, умение бороться с препятствиями и побеждать их. Герой книги — хозяин своей судьбы, он смело смотрит в лицо будущему. Тем более странно и обидно было нам читать «Открытую книгу» — новый роман В. Каверина.

Этот роман, к сожалению, лишен правды жизни. «Открытая книга», как сказано во вступлении, представляет собой первую часть задуманного автором произведения о жизни советского врача Татьяны Власовой. Эта первая часть посвящена детству и юношеским годам героини.

Главная героиня книги Татьяна Власова, казалось бы, принадлежит к тому поколению людей, которые росли и мужали под грохотом сражений на фронтах гражданской войны, вступали в жизнь, как вступают в бой, вместе с Павлом Корчагиным борясь с голодом и разрухой, восстанавливали железные дороги, строили новые заводы и новые города на просторах Сибири, в дальневосточной тайге.

Хронологически биография Тани действительно совпадает с жизнью этого героического поколения. Детство Тани, маленькой судимой, дочери полуживой гадалки, проходит в запятанном провинциальном городке Лошакине. После революции Таниа, уже комсомолка, окончив школу, сначала решает стать актрисой. Она едет в Петербург. Но актрисой из нее не получается. Таниа проваливается на экзамене в Институт зрания искусства и «с горя» поступает в медицинский институт. Сначала она учится без особого энтузиазма, но неожиданно увлекается микробиологией и открывает в себе способности к научно-исследовательской работе. Окончив медицинский институт, Таниа едет работать в деревню. Этим кончается первая книга.

Как, в сущности, далека героиня от своих сверстников и современников! В ее характере — ни одной черты нашей молодежи, смелой, жизнеутраченной, не боящейся препятствий. В узком, камерном, словно герметически закрытом мире протекает ее жизнь.

Брайне недостоинство вызывают уже первые одиннадцать глав этого романа, объединенные заглавием «Первые страницы».

Не успеваем читатель раскрыть книгу, как сразу же раздается выстрел, который едва не убивает главную героиню. Она другая, другая пулей во время дуэли двух гимназистов — Мити Львова и Роберта Раевского.

Полуживую Танию вносят в дом Львова. Девочка проводит здесь несколько недель. С тех пор она на всю свою жизнь камен-

но робовым образом связана с семейством Львова — с тонкой дамой Анной Петровной, покрывающей на «людей», с ее сыном гимназистом Митенькой, который совершенно так же, как и его мамина, «проно» разговаривает с гостями хукари, с его братом Андреем, юношей, в котором «генетичность» причудливо сочетается с придурковатостью, с Глашеневой — лопухинской красавицей, девчонкой неопределенных занятий, из-за которой Митя стрелялся на дуэли.

С первых же страниц романа начинается целая серия нудных любовных увлечений, у всех героев — несчастная любовь и все «страдают»: Митя по Глаше, Таниа по Мите, Андрей по Тани, Митя ревнует Глашу к Раевскому, Таниа ревнует Митю к Глаше, а Глаша неожиданно накануне свадьбы с Митей убегает от него с гимназистом Раевским, несмотря на зловещие предостережения гадалки, Таниной матери. И вся эта чехарда так и не прекращается до конца книги, заслоняя собой все то, что связано с главной темой произведения — идейным, духовным формированием советской девушки, будущего врача-исследователя.

Автор вводит нас в какой-то странный, словно неживой мир, в котором действуют не люди, а какие-то непонятные фигуры, похожие на марионетки, совершающие столь же непонятные поступки. И самое главное не в том, что все «непонятно», а в том, что читатель и не стремится, и не хочет разобраться в жизни обитателей этого чуждого и ничем не интересного ему мира. А автор всеми силами пытается «заинтересовать» читателя странными сюжетными ходами, удивительными совпадениями, которых никогда не бывает в жизни, нарочитыми недомолвками, намеками на какие-то «страшные», но, по сути дела, очень скучные и грустные тайны, рассказом о «роковых» страхах, об «ужасной» любви и т. д. и т. п.

В годы революции внимание главной героини попрежнему поглощено однообразными любовными историями, в которых с переменным успехом выступают Митя, Раевский и Глашенева.

Очень характерно, как понимает Таниа революцию. Оказывается, весь смысл великих Октябрьских событий сводится к тому, чтобы Таниа перестала заводить какой-то девочке Лельке, обладающей злыми муфточкой, «тем более что зачатия муфточка давно обвела, и даже если бы меня омолодили, я бы все равно не стала с ней ходить».

Оказывается, что гимназист-дуэлянт, в сущности, бездельник Митенька стал «ужасным» активистом и революционером, и вообще лопухинская гимназия неожиданно предстает перед нами как чуждое и не главный очаг революционного движения! Не случайно, что митенькин соученик и «соратник» Рубин «ругал нашу школу и говорил, что гимназия была хороша своей дисциплиной».

И вот Таниа — в обществе этих «активистов-гимназистов». Именно они, — пытается уверить нас писатель, — а не представители рабоче-крестьянской молодежи составляют главное ядро комсомольской организации города. Трудно придумать более нелепую карикатуру на жизнь и деятельность наших комсомольцев 20-х годов! Вместо того чтобы заниматься делом, Таниа и ее друзья рассуждают об «антропocen-

тризме», «психологическом одиночестве», равенности «плохих» и «хороших» чувств и о том, что «мировоззрение не играет существенной роли» для таланта. Все это напоминает кружки дореволюционных гимназистов, далеких от революции.

Не удивительно, что Таниа, решившая связать свою судьбу с искусством, даже не задумывается об общественном смысле своей будущей деятельности. Она любит не искусство, а себя в искусстве, — отсюда ее назойливо повторяющиеся мечты о будущей славе, полные самовлюбленности, любования собой.

Потерев первую неудачу на этом поприще, Таниа сразу же отступает, отказывается от того, что считала самым заветным своим желанием. Выслушав совет подруги: «двигай на медицинский» не пропраешь», — она решает «двигнуть» на медицинский.

Третья часть книги называется «Студенческие годы». Нужно сказать, что жизнь и учение ленинградских студентов изображены в книге не намного лучше, чем деятельность «лопухинских комсомольцев». Таниа много рассказывает нам о своих новых друзьях, но, пожалуй, единственный запоминающийся образ среди них — Маша Колодезьева, пустая девушка, у которой все нелегально спрашивали — почему она поступила в медицинский? Поневолье вспоминается поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты».

Таниа и институте попрежнему одна и та же, выразившая ее явным, психологическим одиночеством. Она глава так и называется: «Одиночество с собой». А ведь это одна из тех глав, в которых рассказывается о поездке Таниа на эпидемий дистрифии в далекий Анзерский поселок, о ее самоотверженной работе в глухой деревне вместе с Андреем, с которым она там встретила по удивительному стечению обстоятельств. Уж, казалось бы, здесь, в обстановке борьбы со страшной болезнью, можно было бы перестать оставаться «снаедами с собой». Но Таниа и тут предается психологическому самокопанию, и тут оказывается не в силах выйти за пределы своего маленького, узкого мира.

Безусловно, «случайная» встреча Таниа и Андрея в глухой деревне далеко не случайна. Вся книга полна таких случайностей. Когда, например, Таниа обвинена «коварной» Глашеневой, ставшей женой Мити, в краже важных бумаг, тут же «случайно» появляется танин отец — действительный выходец из провинции, который, очевидно, заранее знает, когда и в какую минуту ему следует появиться, чтобы все раз'яснить. И все сразу же становится на свои места. Такая же слеза, когда Митя и Таниа «случайно» застает в ресторане Глашеневку с ее «старым другом» Робертом Раевским. Есть даже глава, которая так и называется — «Простая случайность».

Для стиля книги характерно пристрастие автора к «роковым», интригующим словам вроде: «Кто знает, быть может, многое в жизни произошло бы иначе, если бы я не оставила на завтра своего последнего слова! Да, это было ошибкой, которая повлекла за собой другую ошибку, а из другой выросла третья, — и так до тех пор, пока все три не сплелись в одну, очень большую, о которой я теперь еще вспоминаю с раскаянием и сожалением», или: «О, если бы я прислушалась к этим неясным, но полным

значения чувствам! Кто знает, быть может, я отказалась бы от надежды, которая отдала у меня так много душевных сил, от мечты, которая завела меня так далеко? Но я забегала вперед...»

Как странно, как смешно встречать подобные «литературности» в книге, вышедшей в 1949 году!

Почему же так неверно, путанно изображил автор «Открытой книги» комсомольскую и студенческую жизнь? Почему, задвинув целью рассказать о духовном формировании советского врача, исследователя, историка, он подменил все это бесконечными историями о барынях и гимназистках? Почему говорим из лопухинского гимназического кружка, сомнительная девчка Глашенева, пустовата Машенька совсем заслонили в книге образы настоящих советских людей, комсомольцев, вузовцев, активистов? И откуда такая любовь писателя к дешевым псевдоинтересным приемам, к обрыванию неправдоподобных совпадений, дуэлей, «сплохениям», совпадениям гаданий и тому подобному литературного старья, занимающего большую часть книги?

Нам кажется, что все это произошло потому, что автор не знает, что и о чем писать, и не хочет изучать жизнь; незначительный материал он пытается вложить в «эффективные» описания, душещипательную мелодраму. Но время таких книг дурного вкуса, проникнутых мелкой «литературностью», давно прошло. Вряд ли сейчас найдутся охотники следить за тем, как Глашенева убеждает от антрополога Митеньки с дьявольским подобием Раевским, как бегают за Глашеневой Митенька и как мучительно «любит» Митеньку Таниа, которую в свою очередь любит митенькин брат Андрей, и т. д. Нам просто не интересно читать об этом. Точно так же не вызывает у нас ни интереса, ни особых симпатий сама героиня романа Таниа Власова, слабая, ограниченная, какая-то бесхарактерная девушка, с чуждыми нам представлениями и идеалами.

«...Советские писатели, — говорил А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», — должны помочь народу, государству, партии воспитать нашу молодежь бойкой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей».

Стоит только обратить эти замечательные слова в «Открытой книге» В. Каверина, чтобы увидеть, как бесконечно далека эта книга от тех вопросов и задач, которые волнуют сейчас наш народ и нашу советскую молодежь. «Открытая книга» В. Каверина ничему не учит нашего читателя, не воспитывает его. В ней выдвигаются за достоинства такие чудные нашим юношам и девушкам черты, как пассивность, самокопание, мешанская ограниченность.

Мы очень хотели бы, чтобы В. Каверин не прошел мимо этого письма, выражающего мнение многих студентов, но только нашего института, и чтобы он поскорее расстался со своими гимназическими героями Митеньками, Машеньками, Глашеневками и написал новую книгу — о настоящих героях нашего времени.

Студенты I-го курса литературного факультета Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена М. КАЖДАНОВА, Л. НЕСТЕРЕНКО, Г. СОКОЛОВА, К. ФИЛИМОНОВА, И. ЧАПЛЫГИНА и др. — всего 32 подписи.

Тепло показано сближение Зеки и Гюльшен, их чувства, выросшее в совместной борьбе за проект. Но начавшееся где-то за пределами романа знакомство Зарифы и Кремлева выглядит совершенно неожиданным.

Все это происходит потому, что писатель не всегда находит должную художественную и жизненную меру. Это особенно заметно в образе Селма — директора котлоры бурения, изобогачающего технического риска потому, что у него трусы «просты в натуре».

«Селма — чиновник», — отвечает о нем Кафар-дай, — «... у адалого одна работа — с самого начала встать в сторону». Но Селма не только маювер, он еще и интриган, пытающийся заранее опорочить проект Зеки. Он и морально нечестовит. С первых же его шагов в романе в нем угадываются отталкивающие качества, которыми щедро наделил его автор.

Селма настолько ясен, как плохой руководитель и недостойный человек, что можно лишь удивляться, почему его описывают в романе только в последней главе. Есть в романе и еще один, резко отрицательный персонаж — инженер Алтибаев, разоблачаемый всеми «от'авленного демалого» и склочник. Вероидность его действий также явно видна окружающим, и также удивительно, что действия эти сразу не пресекаются. Образы и Селма и Алтибаев кажутся поэтому примитивными, малоубедительными.

Однако эти недочеты не могут изменить главного впечатления от романа, его оптимистического звучания. Наиболее ярко оно выражено в эпизоде, когда усилия разведчиков нефти вынуждают черный фонтан, вырывающийся из пятикилометровой скважины.

Огромное озеро разливается по земле, и бурные нефтяные реки текут и текут к морю. Тысячи людей устремятся к буровой, чтобы избежать потоп. Им предстоит тягловая и опасная аваральная работа, но это их праздник, торжество победы над природой.

«Наука, партия, народ... и великий Сталин! Вот где богатая сила каждого из нас!» — восклицает старый мастер, любящий всеобщим ликованием работников промысла.

В описании напряженных творческих исканий, в ярких картинах вдохновенного труда — наиболее сильная сторона патристического романа Манаша Сулейманова. Книга о разведках недр — заметное явление в азербайджанской прозе, которая все больше обращается к животрепещущим темам современности, и она несомненно привлечет к себе внимание широкого круга читателей.

А. МЕДНИКОВ Разведчики недр

Образ старого нефтяника Кафар-дай — едва ли не самый удавшийся в романе. Мы узнаем в нем советского труженника, выполняющего в свое дело и беззаветно преданного ему. Для него буровая — родной дом и важнейшие интересы государства — интересы глубоко личные.

Образ мастера складывается в романе не только из освещения автором стиля его организаторской работы на буровой и на технических совещаниях, когда старый мастер выступает подлинным хозяином промысла, но и обрисовки героя в бытном, где Кафар-дай показан отличным семьянином.

М. Сулейманов сделал совершенно правильно, заглянув далеко в прошлое Кафар-дай. Он углубил его образ рассказом о жизни азербайджанского юноши на промыслах дореволюционного Баку, о начале социалистического строительства в Азербайджане и о годах первых пятилеток. Писатель нарисовал, таким образом, картину типической судьбы тысяч простых трутовых людей, связанных всей своей жизнью с коренными основами советской жизни, с великой сталинской эпохой.

Не случайно молодость старого мастера Кафары и его друзей озвучена в романе образом Сергея Мироновича Гурова.

Тема сталинской дружбы народов выражена в романе многолетней совместной работой Кафар-дай и бригады Алексея Волкова, дружной других русских и азербайджанских рабочих, их любовью к Кирову, одухотворенной гордым сознанием значимости и важности дела, которое они совершали под руководством любимца бакинского пролетариата, соратника великого Сталина.

«Как далеко он (Киров) — А. М. смотрел и как далеко видел!» — взвониванно вспоминает старый мастер, рассказывая о том, как Киров организовывал первый морской промысел в бакинской бухте — «раньше всех в мире... раньше американцев, хвастающих возду и веде своей техникой».

«А ведь нам, дочка, Советскому Азербайджану, тогда было всего четыре года», — доверяет Кафар-дай девушке-инженеру Гюльшен... «Теперь нам почти тридцать... Вот... ты должна помнить, кто был твой отец. Должна быть настойчивой, непреклонной».

Умение быть настойчивыми и непреклонными в преодолении трудностей — вот

что роднит и энергичного геолога Зеки, и его возлюбленную Гюльшен, и немного сумрачного, всегда поглощенного своей работой Кафар-дай.

Мы видим, что автор романа стремится подчеркнуть моральную силу своих героев, как основу их успехов в работе и как главное мерло своей симпатии к ним. Это не сторонний наблюдатель, регистрирующий события на промысле. Мы ощущаем и сдержанное волнение, и заинтересованность писателя в судьбе своих героев, в судьбе их экспериментов.

Одна из центральных коллизий произведения — столкновение Зеки со старшим геологом треста Мартиросом Авестисовичем. Опытный специалист, он ошибся в своем отрицательном отношении к проекту Зеки, но нашел в себе мужество во-время прийти к перемене мысли. В совместной работе обоих геологов мы видим плодотворное сотрудничество представителей старшего и молодого поколений специалистов, соревнование, в котором рождаются смелые идеи, большие открытия.

«Чтобы изучить строение Апшеронского полуострова, на него надо смотреть с самой высокой вершины Кавказского хребта», — вспоминает Мартирос Авестисович слова академика Губкина, когда разведчик Зеки удается нащупать нефть в зловещей долине.

Вооруженные новой техникой, достижениями отечественной науки, как бы с большой высоты исследуют недр своей страны геологи промысла, и здесь писатель справедливо видит творческий ключ к их победам.

«Чем выше встанешь, тем больше видишь», — говорил А. М. Горький, часто вспоминая посылочку, которая, нам кажется, может быть отнесена не только к геологам. Есть насущная необходимость и для писателя в каждом произведении отыскать для себя высокую точку зрения и, как говорил Алексей Максимович, взглянуть на жизнь «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего».

Но в романе «Тайна недр» есть и недостатки. Нам кажется, что автор передразнил его восторженными героями, которым не смог придать ярких, запоминающихся черт. Это сын Кафар-дай, многие члены его бригады, которых мы помним только по именам, шахтер Кремлев, с которым соревнуется мастер,

В годы минувшего года газета «Советская Сибирь» в редакционной статье справедливо писала, что одним из серьезных препятствий, тормозящих развитие литературы в области, является низкий уровень литературной критики. Отделение Союза советских писателей и редакция журнала «Сибирские огни» плохо заботятся о воспитании критиков. «В подготовке критико-библиографических статей почти совсем не участвуют ведущие новосибирские писатели, очень узок авторский актив. Работ обильно, обобщающего характера, глубокого анализа творчества отдельных писателей в целом почти не дается».

О необходимости всемерно развращать литературную критику «Советская Сибирь» говорит и в передовой статье одного из сентябрьских номеров 1949 года:

«Критика нужна писателю, как воздух, без нее немилым бы творческая жизнь. Критикуя недостатки, мы смотрим вперед, соразмером свое движение со все новыми задачами, выдвигаемыми самой жизнью, со все возрастающими требованиями партии и народа...»

Газета, вооруженная таким ясным пониманием насущных задач литературной критики, должна постоянно показывать пример в борьбе за повышение идейного и художественного уровня литературы. Это очень важно, ибо в работе новосибирских писателей действительно есть еще много недостатков. Об этом недавно писала «Правда» в статье Ан. Дремова «За высокую требовательность и принципиальность».

В актив отдела критики и библиографии «Советской Сибирь» могут быть отнесены политически острые, убедительные статьи В. Расенцева «Искаженный Чернышевский», А. Мисюрова «Русский фольклор Нарыма», И. Зобачева «Пусть слышатся!» и С. Сопкина «Поэт и современность».

На страницах газеты в сентябре 1949 года в дни подготовки и проведения совещания творческого актива журнала «Сибирские огни» почти ежедневно публиковались отчеты о ходе совещания, читательские письма о книгах и другие содержательные материалы.

Газета правильно сделала, что в ряде своих выступлений предъявила серьезные требования к отделу критики и библиографии «Сибирских огней».

Несомненно, названные выступления «Советской Сибирь» оказывают серьезную помощь новосибирской писательской организации.

Результаты были бы еще заметнее, если бы деятельность газеты в этом направлении носила более систематический и углубленный характер. К сожалению, отдел критики и библиографии «Советской Сибирь» не всегда до конца бывает верен хорошим принципам, которые сам проповедует.

Прежде всего следует сказать о том, что в газете все-таки очень редко появляются критико-библиографические материалы. О книгах, выпущенных в Новосибирске, газета за период с июля прошлого года до января текущего поместила буквально считанные статьи. В Новосибирске регулярно выходят журналы «Сибирские огни». Но газета мало пишет и об этом издании. Так, за весь 1948 год в «Советской Сибирь» появился всего один обзор — сразу на пять номеров журнала...

Не часто пишет «Советская Сибирь» и о книгах, выходящих за пределами области. За последние шесть месяцев (с 1 июля по 27 декабря 1949 г.) здесь опубликовано всего... три рецензии: 9 августа — о книге Д. Картона «Такова Америка», 10 августа — о романе М. Аузаева «Абай» и 9 сентября — о книге А. Черкасова «В стороне сибирской». Право же, для большой ежедневной газеты этого слишком мало.

Во многих случаях, когда в газете появляются статьи, выходящие за пределы области, мы не всегда находим в них достаточную глубину и выразительность.

В газете неоднократно упоминалось, что новым романом А. Волошина «Земля Кузнецкая» — крупное произведение о наших современниках, о людях послевоенной сталинской пятилетки. Можно было надеяться, что «Советская Сибирь» выступит с подробным анализом этого романа. Обязательная статья о «Земле Кузнецкой» помогла бы творческому росту молодого автора. К сожалению, выступления, которые редакция посвятила роману, не могут удовлетворить читателя. В обзорной статье И. Сотникова «Смеем вторгаться в жизнь!»

Подписчики нашего журнала прочтут в предстоящем году вторые книги романов, начало которых в свое время печаталось в «Октябре», — М. Бубениова «Белая береза» и С. Бабеевского «Свет над землей».

Во многих произведениях, которые появились в 1950 году, разрабатывается производственная тема. Ее посвящен, например, роман А. Рыбкова «Водители», печатаящийся в первых трех книгах журнала. Автор показывает, как труд коммунистического человека, рождает в нем государственное отношение к явлениям жизни, формирует его коммунистическое самосознание. Тема труда и производственные проблемы поставлены также в романах Ю. Лавтева «Десять часов», И. Девинова «Сормовские», повестях В. Курочкина «Простая судьба», Н. Конопкиной «Что такое весна».

В портфеле редакции: романы С. Голубова «Дороги сходятся под солнцем» (посвящен истории комсомола с 1918 года до наших дней), М. Лобачева «Город-солдат» (о восстановлении Сталинграда), И. Попова «На исходе ночи» и другие произведения.

Из крупных поэтических произведений мы опубликовали поэмы С. Васильева, В. Яярова и широко представили страницы, как и в прошлые годы, стихам молодых поэтов Н. Тряпкина, Г. Горностая, В. Филиппова, И. Велтулина и других членов литературного объединения при журнале «Октябрь».

(об очередном номере «Сибирских огней») серьезный анализ «Земли Кузнецкой» поднимает рассуждения на тему о пользе критики.

Несколько недельные поэмы тот же И. Сотников получает возможность вторично высказаться на страницах «Советской Сибирь» о романе «Земля Кузнецкая». Читатели имели основание предполагать, что критик в статье, целиком посвященной произведению А. Волошина, восполнит пробелы своего обзора. Но, к сожалению, эта статья предоставляет собой лишь расширенный вариант его первого выступления по поводу «Земли Кузнецкой». Поставив девять десятых статьи переискусью одержания романа, И. Сотников не дал анализа идейно-художественных особенностей произведения А. Волошина.

А между тем И. Сотников, при большей требовательности со стороны редакции газеты, мог бы написать хорошую, доказательную рецензию. Об этом свидетельствуют некоторые другие его работы. Например, в упомянутой уже статье «Поэт и современность» И. Сотников вдумчиво анализирует творчество К. Лисовского, подкашивает поэту пути преодоления серьезных недостатков его стихов, пути совершенствования поэтического мастерства.

Недостаточная требовательность редакции к качеству публикуемых рецензий приводит иногда к тому, что на страницах газеты под рубрикой «Критика и библиография» появляются совсем слабые материалы.

Вот статья о сборнике рассказов Б. Урманова «Вдлинущка». Критик, ставидиво укрупнивший за инициалами «Е. Л.», сначала неудачно хвалит книгу: «Силой художественных описаний автор убеждает читателя в необходимости борьбы первах друзей...» Затем он переходит к разбору ее недостатков. Вокруг упомянутом, что «меньше удачно показаны в сборнике люди», Е. Л. пишет: «Рассказ «Вдлинущка» во многом терпит от того, что в характере деревенского мальчика Тимки К. Урманов увидел только его болезненное включение к пошу». «Спору нет, — с серьезным видом восклицает Е. Л., — можно нушить каждому мальчугану, который хочет строгая, резать, строить, но у Тимки желание иметь пош превращено в самовлюб (!?). За Тимку становится страшно, когда он признает себе в той неумеренной и мучительной страсти, которую носил в себе к перочинному ножку...»

Тут, как говорится, комментарии излишни.

Но если в данном случае мы имеем дело просто с некачественным рецензентом, то некоторым другим выступлениям «Советской Сибирь» можно предъявить упрек в беспоследовательности.

Вот наиболее разительный пример. В свое время в журнале «Сибирские огни» была опубликована повесть А. Колтедова «Снежный пик». Газета в статье Л. Мелина подтвердила это произведение очень резкой критике. В рецензии говорится, что писателю не удалось по-настоящему показать ни положительных, ни отрицательных героев: «Ни сам Бряшев, ни Афанасьев, ни Шаравев не могут быть признаны полноценными образами».

Прошло некоторое время, и газета дает уже совершенно противоположную оценку повести А. Колтедова: «О «Снежном пике» писалось много и правильно. Мы тоже считаем, что это — удача писателя. На фоне чудесной алтайской природы он нарисовал путь мучительной куклы альпинистов. «Снежный пик» — это повесть о силе, мужестве и товариществе. От нее веет бодростью и душевным здоровьем».

Бруто изменил отношение к произведению А. Колтедова, газета не сошла своим долгом призвать перед читателями опровергнуть своих предыдущих выступлений об этой книге.

В области литературной критики и библиографии «Советская Сибирь» могла бы сделать гораздо больше, чем делает. Для этого у нее много данных. Редакция следует смелее опираться на выршиный читательский актив, шире привлекать к участию в газете литераторов.

Забота о судьбах родной литературы, забота о неуложном творческом росте местных писателей, о пропаганде книги должна быть постоянно в центре внимания областной газеты.

Этого требуют интересы советской литературы, этого требует жизнь.

Рассказывают редакторы журналов

В редакционных портфелях литературных журналов и альманахов, выходящих в нашей стране, собрано много интересных новиков советской художественной литературы, с которыми читатели познакомиться в 1950 году. Об этом рассказывают сегодня главные редакторы журналов.

Ф. ПАНФЕРОВ, главный редактор журнала «ОКТЯБРЬ»

Подписчики нашего журнала прочтут в предстоящем году вторые книги романов, начало которых в свое время печаталось в «Октябре», — М. Бубениова «Белая береза» и С. Бабеевского «Свет над землей».

Во многих произведениях, которые появились в 1950 году, разрабатывается производственная тема. Ее посвящен, например, роман А. Рыбкова «Водители», печатаящийся в первых трех книгах журнала. Автор показывает, как труд коммунистического человека, рождает в нем государственное отношение к явлениям жизни, формирует его коммунистическое самосознание. Тема труда и производственные проблемы поставлены также в романах Ю. Лавтева «Десять часов», И. Девинова «Сормовские», повестях В. Курочкина «Простая судьба», Н. Конопкиной «Что такое весна».

В портфеле редакции: романы С. Голубова «Дороги сходятся под солнцем» (посвящен истории комсомола с 1918 года до наших дней), М. Лобачева «Город-солдат» (о восстановлении Сталинграда), И. Попова «На исходе ночи» и другие произведения.

Из крупных поэтических произведений мы опубликовали поэмы С. Васильева, В. Яярова и широко представили страницы, как и в прошлые годы, стихам молодых поэтов Н. Тряпкина, Г. Горностая, В. Филиппова, И. Велтулина и других членов литературного объединения при журнале «Октябрь».

С. КОЖЕВНИКОВ, главный редактор журнала «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

В 1950 году мы запланировали публикацию новой повести К. Селых из послевоенной жизни забайкальского колхоза. Е. Пермитин написал роман «Горные орлы» о жизни алтайских колхозов. Ряд писателей заканчивают повести на актуальные темы современности: герои А. Смердова — сибирские металлурги, Б. Костюковский — районные работники, В. Выхлянцева — сельские учителя, Г. Маркова пишет для нашего журнала роман «Золотой куст». А. Колтедов работает над романом о сибирских садоводах.

Молодой драматург М. Максимов написал для нашего журнала пьесу о большевистском подполье 1919 года, о борьбе с интервентами в Сибирь, Ю. Гординок — поэму о Китае, Л. Огневский — повесть о горняках, А. Косарь — поэму о Кузбассе, А. Пинаев — поэму о Сталинске.

Отрадно отметить, что за последние время являлся за перо многие «бывалые люди». А. Потков написал роман «Уголь», инженер-геолог Е. Федосеев — записка об одной из своих экспедиций, инженер Лезгинцев — документальную повесть о строительстве рудника, инженер Н. Павлов работает над повестью о строительстве жилищного поселка. Председатель первого забайкальского колхоза В. Баябин закончил роман «Золотая Архуна».

Как и в прошлые годы, мы систематически будем печатать переводы литературных произведений с языков народов, населяющих Сибирь.

17 дней в Чехословакии

1. Встреча с друзьями

Ольга ГОНЧАР

Пограничная чехословацкая станция. Поезд остановился, по вагону идет проверка паспортов.

Входят чехи-пограничники — румяно-щекие, приветливые, веселые парни. Кажется, что где-то мы их уже видели раньше. Где? Когда? Может быть, в составе славной чехословацкой бригады они участвовали вместе с нами в освобождении от гитлеровцев моего родного Киева? Может, встречал я их в горах Словакии с красными партизанскими ленточками на шляпах? Или, быть может, мы горячо пожимали друг другу руки где-нибудь на улицах торжествующей Праги в солнечные майские дни 1945 года?

— Здравствуйте, товарищи!
— Здравствуйте, друзья!

Бережно, любовно перепроверяют пограничники наши паспорта — «спурутные книжечки», как говорил В. Маяковский. На погонах молодого надпоручика ярко горят пятиконечные звезды.

— В Праге вас ждут, — говорит он. — Впрочем, не только в Праге... Встреча с советским человеком для каждого из нас — праздник...

Развиваются в стороны скалистые горы северной Моравии, поезд мчится все дальше на запад. Меняются живописные осенние пейзажи за окном, меняются пассажиры в вагоне, только не меняется впечатление, вызванное первой встречей на границе: все время едешь среди близких, чем-то родных для тебя людей.

В нашем купе едут сельская учительница, ее дочь — белокурая жеманная хохотунья и служащий какого-то страхового бюро — мужчина атлетического телосложения. Легко разламывая в ладонях крепкие орехи для девочки, он обстоятельно рассказывает нам о строительстве гидростанций на Украине, о системе пенсий для учителей в Советском Союзе и в заключение каждый раз просит сказать — хорошо ли он издается по-русски. После работы, в свободные часы он регулярно занимается «на курсах рупины», то есть русского языка. Учительница, застенчиво улыбаясь, говорит, что она также занимается «в народном кружке рупины».

Обившиеся в проходах пассажиры радостно оживляются, вступают в общий разговор. Многие из них, оказывается, тоже начали учиться на курсах русского языка, организованных энтузиастами Общества чехословацко-советской дружбы. Народные кружки по изучению русского языка уже насчитывают более 320 тысяч участников, но желающих изучать «рупину» значительно больше.

— Мы хотим в совершенстве знать русский язык, — говорит учительница, — ибо это язык прогресса и мира!

Речь зашла об отмене карточек на хлеб. Недавно в республику отменили карточки, и люди еще горячо переживают это событие, видя в нем одну из многочисленных побед нового народно-демократического строя. Хлебные карточки существовали в Чехословакии на протяжении десяти лет. За это время выросло поколение молодежи, которое не помнило, не могло представить себе жизнь без карточек.

— Вот посмотрите на мою Ганочку — хочется... А ведь еще недавно спрашивала: правда ли, мама, что есть на свете страна, где хлеб без карточек? Бель такая страна, говорила ей, Советский Союз... Благодаря вашей помощи — помощи Советского Союза — у нас теперь также улучшаются условия жизни трудящихся...

Все теснее в купе. Возбужденные голоса, радостно взволнованные лица. Учительца, инженеры, агрономы... Узнав, что в составе нашей делегации находится известный советский ученый-мичуринец, пассажиры засыпают его вопросами. Чувствуется, что их любознательность не праздная, что она продиктована искренним желанием применить передовую науку на практике, в жизни.

Нашему уважаемому агроному, видимо, приятно беседовать с этими людьми, ему, как и всем нам, легко дается в этой дружеской атмосфере.

— Наши агрономы, — рассказывают чехи, — наши крестьяне чувствуют силу мичуринского учения, интерес к советской агробиологической науке неслучайно велик. Кстати, сейчас во многих кинотеатрах республики с колоссальным успехом демонстрируется фильм Александра Довженко «Жизнь в цвету». Наша молодежь стремится овладеть искусством управления природой, передаться ей!

За окном мелькают полоски старательных убранных полей, аккуратные крестьянские домики, крылья ветроуловителей на фоне дымящихся осенних облаков.

— Характерно, — говорит вдруг кто-то, — в то время как Америка старается посылать в европейские страны своих держиморд-генералов, к нам из Советского Союза едут ученые, артисты, писатели,

несущие нам свет великой советской цивилизации...

Все ближе Прага. Какова она теперь? Помню ее весенней, народной, ликующей, в знаменах и цветах Победы... На городских окраинах тогда еще громоздились подурнообразные баррикады. Камни Вацлавского náměstí еще были горячими после того, как по ним прошли бронетанковые части армии-освободительницы...

Теперь мы подошли в Прагу вечером. Но разве это вечер? Во все стороны, на многие километры, светло, светло... Столица — по случаю декады чехословацко-советской дружбы — богато иллюминирована, празднична.

Тысячами огней сверкает уходящее за горизонт звездное море. За Влтавой на холмах возвышаются величественные Градчаны, пражский кремль. Видны, как на ладони, дворцы, парки, соборы, остроумно освещенные снизу доверку невидимыми прожекторами. В изобилии света, в радостном гомоне молодежи, в могучем ритмическом гуле чехословацкой столицы слышится спокойная уверенность людей, идущих по пути строительства новой, свободной, мирной жизни.

Праздничные камни... Дороги они трудящимся республиканки, дороги они и сердцу советского человека. Вот — памятник Яну Гусу, сожженному на костре папской инквизиции. Карлов университет...

А вот исторический дом, где происходила в 1912 году Праздничная партийная конференция. Здесь был В. И. Ленин. Звенят возле дома дружные голоса пражских школьников: всегда готовы!

Мосты, по которым проходили танки, литые из уральской бронзы. Их мощный прохот хорошо помнит Прага. От того вечного прохотания, от того золотого дня она ведь летоисчисляет своей свободой. Непрерывающийся ритмический гул, грандиозная иллюминация, безбрежное половецкое жеманство...

И, как венец над всем этим, — огненный слог:
«Со Советским Союзом на вечные часы!»
Это понятие без перевода: —
— С Советским Союзом — на вечные времена!

Остановившись, мы громко читаем это возмужавшее выражение воли народной:
— На вечные часы!..

— А ниды инак! — вдруг слышится из толпы чей-то мужественный решительный голос. — И никогда инак!..

Таков девиз Праги, такова воля мудрого, честного народа...

Везде, где бы мы потом ни были, при разных обстоятельствах мы слышали этот девиз, пламенный, пронзительный с гордостью и любовью. Чувство глубокой благодарности к Советской Армии-освободительнице, к советскому народу, к великому Сталину живет в сердцах широчайших масс чешского и словацкого народов. Трудящиеся республики искренно гордятся своей дружбой с народами СССР, сравнительно уместив в этой дружбе залог процветания собственной страны.

— Мы отлично понимаем, — говорят нам рабочие на заводе «Зброевка», — что наша дружба уходит корнями далеко в прошлое. Она скреплена кровью на полях сражений в годы войны против фашизма, растет, развивается и крепнет на основе общности наших интересов, на основе борьбы за общее правое дело. И никому никогда нашей дружбы не поколебать!..
Да, наша дружба естественна, закономерна и нерушима. Она углубляется с каждым днем.

И молодежь и старшее поколение страстно изучают великий опыт, накопленный советским народом в строительстве социализма, стремясь применить его в повседневной практике. Не все дается легко. Каждый — будь то производитель, или рабочий искусства, или управленец МТС, — встретившись в своей деятельности с каким-нибудь затруднением, обращает взор на восток:

— А как это делалось в Советском Союзе?
Правила, обычаи советского общества являются мерилом нравственности, мнение советского человека по тому или иному вопросу считается самым авторитетным.

Интересует буквально все.

— Как организовать ансамбль песни и пляски?

— Кто должен отвечать за общественное питание трактористов?

— Стоит ли в нашу революционную эпоху выводить на сцену такого паспивно героя, как принц Гамлет?..

И так без конца.
Многие о жизни советских людей уже

известно, еще больше хочется узнать. В Праге вы можете встретить кладенского горняка, приехавшего специально затем, чтобы посмотреть в столичном театре пьесу А. Корнейчука «Макар Дубравка» и таким образом ближе познакомиться с жизнью шахтеров Донбасса. В чудесном зале имени Сметаны звучат новые советские песни в исполнении хора пражских учителей. В Братиславском доме искусств сотни рабочих, студентов, служащих и офицеров, зажав дыхание, слушают стихи В. Маяковского, Н. Тихонова, К. Симонова в переводах на словацкий язык.

Благодарное влияние могучей советской культуры уже приносит свои плоды. В Праге нам пришлось видеть несколько новых фильмов, выпущенных за последнее время чехословацкой кинематографией, в Братиславе — выставку работ художников Словакии. Произведения радуют новизной тем и образом, смелостью, с которой молодое искусство вторгается в жизнь. Чувствуется искреннее желание людей искусства шагнуть в ногу со всем народом, помогать ему в большом созидательном труде.

Прага, и в книгах и в живописи еще не всегда облик нового человека выступает с достаточной выразительностью, иногда он еще расплывчат, терпясь за вагонетки с углем, за производственным процессом. Но нет сомнения, что вскоре новый положительный герой, строитель и защитник социализма, займет в произведениях искусства центральное, почетное место. Метод социалистического реализма, которым сейчас начинают овладевать творческие работники Чехословакии, открывает перед ними невиданные перспективы.

Раскрепощенный свободный труд в странах народной демократии при братской поддержке и помощи народов Советского Союза творит чудеса во всех областях послевоенного мирного строительства.

На заводе имени Яна Швермы нас познакомили с добродушным молодым человеком по фамилии Бробогаты. Это один из лучших ударников завода. Совершенству производственный процесс, он систематически перевыполняет планы на сотни процентов и свой опыт щедро передает товарищам. Социалистическим соревнованием охвачено большинство рабочих. Никогда еще производительность труда не была такой высокой.

Каждый завод и каждая фабрика могут похвалиться своими ударниками, рационализаторами, талантливыми людьми, творчески способными которых раскрываются только теперь.

— Прежние хозяева, — говорит нам Бробогаты, — не узнали бы ни своих бывших предпрятий, ни рабочих. Многие импортные детали, которые десятилетиями ввозились из-за границы, теперь освоены молодежью нашего завода. Рабочие приносят в дар республике массу ценнейших изобретений. Все будто поумнело. Сила свободы, сила нового патриотизма окрыляет нас.

Как известно, у наших советских рабочих очень глубоко развито чувство познания труда, новое отношение к своему социалистическому производству. Это благородное чувство уже пробуждается и растет среди чехословацких рабочих. В одном документальном фильме занята пожилая работница, ныне значащая стажерка. Задумываясь, внимательная, она ласково прислушивается к музыке своих станков.

— Никогда раньше я не подорожала, — говорит она, — что машины... могут быть. Это знаменательно. Труд стал свободным, и машины начали петь!

Трогательно звучит приветствие, которым обмениваются при встрече инженеры и рабочие, крестьяне и служащие, руководители и рядовые:

— Чест праги!
— Праги — чест!

Простой труженик, может быть, впервые полностью осознает подлинное значение своего труда, значение и красоту своей жизненной деятельности, которая создала огромные материальные ценности мира, все лучшее, чем обладает современное человечество. Пример первого в мире социалистического государства, где труд стал делом чести, доблести и героизма, светит, словно маяк, творцам всех стран, пробуждает в них сознание своей исторической роли в жизни.

В лице Советского Союза народы Чехословакии видят верного могучего друга, учителя, брата.

При расставании — в заводском цехе, клубе, на квартире или в школе — вас обязательно попрощают:

— Передайте наш сердечный привет советским людям. Скажите, что мы всегда с ними!

Народ, так много испытавший на себе, знает глубокий смысл братской дружбы с Советским Союзом и дорожит ею, как одним из величайших своих завоеваний.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Сэр Коннолли прогорел

Английский журнал «Хорайзон» («Горизонт»), существовавший десять лет, перед самым Новым годом испустил дух! Об этом с прискорбием извещает его редактор — Сирый Коннолли в ноябрьской книжке своего журнала.

О покойниках обычно не принято говорить плохо. На сей раз приходится нарушить это правило: слишком уж отчаянным негодяем был покойник. Журнал «Горизонт» обрел вокруг себя самых ответных и матерых, самых продажных и реакционных поэтов, писателей и ученых, таких, как Эвелин Во, Элиот, Бертрам, Рассел и другие. Все, кому доставляло удовольствие слизывать вакуум с тугоносого американского башмака, все, кто был готов, не скупясь на жалость и червила, накропать очередной насквиб на Советский Союз, находили приют и место на страницах этого издания.

Это здесь, на желтых страницах «Горизонта», наряду с нумерными статьями о Советском Союзе, помещались слабоумные бредни экзистенциалистов, слюнявые сексуальные рассказы и кровавые американские новеллы. Это здесь печатались хвалебные и возвышенные статьи в честь «гения» порнографической литературы Генри Миллера, бродяги и космополита, дельца и пошляка, обретенного сейчас новую родину в Америке. Это здесь в конкурсе на лучшую повесть получил премию типичный колониалистический рассказ американской писательницы Маккарти «Оазис», рассказ, о котором сам редактор был вынужден стыдливо заметить, что он написан в несколько «холодовой и негуманный манере». Это здесь расхваливались заунывые картины американского художника Беренсона, вся живопись которого скорее походила на изобразление заворота кишок в натуральном виде.

Но английскому читателю осточертели все эти идиллические приключения в «социализм» с кровью, выстрелами и бешеной погоней на многих страницах. Английскому читателю надоела страница американских поваров. Не хочет, хоть убей, не хочет английский читатель принимать макулатуру, поставленную саром Коннолли! Так терпит враг американская пропаганда.

На это именно и сетует редактор «Горизонта» в своей статье-некрологе: «За последние три года нам пришлось наблюдать, как медленно сокращается спрос на «Горизонт» внутри страны, как сокращается число подписчиков на него, все чаще получают отказы выписывать его, растет апатия, — так механически издается существо дела редактор. — Наш агент, обвешавший крупные города на севере Англии, в состоянии был получить только одну подписку на год».

Но, быть может, лондонские читатели неосторожно оценили издание Сиряла Коннолли? «В Лондоне редко приходится встречать людей, читающих «Горизонт» с удовольствием», — жалуется издатель.

Далее редактор откровенно пробалтывается, на чьи средства он содержал и печатал журнал все это время: «Только растущий спрос на «Горизонт» в Америке спас нас от необходимости принять решительные меры раньше и позволял продержаться еще несколько лет». В переводе на русский язык это значит: если бы не американские деньги, мы уже давно прогнулись бы под них.

Встреча новый год, журналы обычно полны замыслов и планов, общаются читателям новые романы и рассказы, стихи и поэмы. У редактора Коннолли, жившего своего «Горизонта», нет никаких надежд, и завтрашний день не предвещает ему ничего хорошего. «Лишняя тысяча подписчиков или же неожиданная щедрая поддержка какого-нибудь доброжелателя (этот «свободный» художник разговаривает как опытный содержатель!) — все это могло бы нас спасти, но в то же время все это, вероятно, не могло бы оказать большого влияния на ту умеренную заботу, то непонимание современного мира, ту растущую неприязнь к верноподданничеству и правительству, то отращивание к послевоенной обстановке, с которой нам приходится сталкиваться в нашем патристическом в непроходимом сон противника — английскому читателю».

Все. Точка. После подведенного выше убийственного итога редактору ничего не остается, как закрыть свою дочку. Это и не промучивать сделать сэр Коннолли, закончив статью словами: «Редактор временно выдохся!».

Вместе с редактором выдохся и журнал. Американские подати не спасли от краха сэра Коннолли, как не спасут они всех, кто с упорством маячка продолжает петь под дудочку дяди Сэма под крышей баптиста из словной кости.

Изготовлено впервые

БУДАПЕШТ. На многих международных промышленных выставках в истекшем году демократическая Венгрия была представлена изделиями своей растущей индустрии. Незаменимый интерес посетителей привлекали экспонаты с короткими, но значительными надписями: «Изготовлено впервые», «Освоено в 1949 году», «Новая продукция». Здесь можно было увидеть измерительные приборы и мощные станки, фотоаппараты и автобусы.

На полях страны появились первые мощные дизельные тракторы отечественного производства. Шахтные электромоторы и текстильные станки, электромоторы для автомашин, часы, мотоциклы и многие другие заводы Венгрии начали производить в годы трехлетнего плана. Со старой венгерской верфей сходят теперь на воду не только речные, но и морские суда.

1950 год — первый год венгерской пятилетки. Пятилетний план предусматривает создание совершенно новых отраслей промышленности. Новый урожай будут убирать первые комбайны, выпущенные венгерскими заводами. Мощные экскаваторы и шахтные погружные машины намогут облегчать труд рабочих — строителей и горняков.

Центральный совет консервативной партии Англии получил через американский банк «Чейз нейшлс банк» заем в 10 млн. долларов для проведения предвыборной кампании. (Из иностранной печати).

Поджигатель № 1 готовится к предвыборной кампании
Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

Николай РОГАЛЬ

ЧУМНЫЕ БАЦИЛЛЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

В течение нескольких дней в Хабаровском Военном трибунале Приморского военного округа вел судебное разбирательство по делу двенадцати бывших военнослужащих японской армии, обвиненных в подготовке и применении бактериологического оружия.

Подсудимые признали себя виновными в тяжчайших преступлениях. Сидя за железными решетками, «самурай» искал поглядывая на переносимый зал, тусклым отводом глаза, злобно пожевывая. Не сразу можно было понять, что перед судом предстала не просто шайка заурядных мародеров-насильников, а особо доверенные лица японского империализма. Этим извергам в образе человеческого императора Хирохито, вопреки международным конвенциям, подписанным правительством Японии, приказано тайно готовить бактериологическое оружие для войны против СССР, против других государств.

На скамью подсудимых попали изверги, лишенные стыда и совести, чудовища, для которых понятие человечности — пустой звук, способные совершить любое злодеяние, изощренные в преступлениях, коварные, подлые.

Они из них — такие, как Ямада, этот тидеушный с виду старик, с его худощавым удлиненным лицом и короткими седыми усами, напоминающий какого-то гурзуку, — откровенно представляли себе, во имя чьих интересов, уведения чьих барышей была затеяна грабительская война. Других, вроде Курисима Юдзи или Кисунори Нормидзу, обманывали повстанческие пропагандисты до полного отупения, научили разговаривать бреднями, как блохи чумой. И те и другие опасны, как опасна холерная бактерия в иезопитику питьевой воды.

Под тяжестью беспробных улик рупились попытки обвиняемых обрисовать свою деятельность в плане чисто научного интереса к микробам... На прямые вопросы прокурора пришлось отвечать: да, готовили бактериологическую войну; в первую очередь намечалось нападение на Советский Союз. Монгольскую патридную республику. Японские генералы-преступники собирались запустить чуму на весь мир...

Советский народ с огромным вниманием следил за процессом и с нетерпением ждал справедливого приговора.

Процесс окончен. Приговор советского суда с чувством огромного удовлетворения восприняли все честные люди на земном шаре. Это и понятно. Обязательное заключение, подтвержденное и дополненное в ходе судебного разбирательства новыми фактами, данными, содержащими в реми государственного обвинителя, неопровержимо доказывающее, что значение только что окончившегося процесса далеко выходит за рамки дела данной группы осужденных. Советский суд доказал, что подготавливавшаяся японскими империалистами бактериологическая война — это только часть преступного заговора агрессора против миролюбивых народов.

Падати с дипломатами медицинских факультетов Токийского и Осакского университетов не были одиозны. Их единодушными в муниципальных гитлеровской армии в лабораториях Покинского бактериологического института были заняты теми же преступными «оштыями». С полигона безвестной маньчжурской станции Анда и из лабораторий Познани лиги заговора против мира вои в Токио и в Берлине. Советская Армия, разгромив зверное логово фашизма на Западе и осипое гнездо японских империалистов в Маньчжурии, дважды спасла человечество от ужасов бактериологической войны. Сегодня советский

суд сорвал занавес, прикрывавший адскую кухню международного империализма. Одновременно нанесен огромный удар по повозачному претенденту на мировое господство и их лакеям. Об этом свидетельствует прежде всего острый припадок антисоветской истерии, охвативший правящую клику Японии. Поощряемая американцами буржуазная японская печать и «парламентария» стремится расжечь в японском народе шовинистический угар и палачи на ровни. Этим они пытаются отвлекать внимание мировой общественности от того факта, что военный преступник № 1 Хирохито и главный идеолог бактериологической войны Иси, как и многие другие военные преступники, укрываются под «высокой рукой» генерала Макартура.

Представитель штаба Макартура начисто отирав факт применения Японией бактериологического оружия, нагло умолчал о том, что советское обвинение в Международном трибунале в Токио передано американскому главному обвинению письменные показания Каваками и Каракура, с достаточной полнотой раскрывающие преступления японской правящей клики, по приказу которой на живых людях производили зверские испытания бактериологического оружия. Это — еще одно доказательство покровительства американских властей японским военным преступникам.

Стремление заглушить громкий резонанс хабаровского процесса прежде всего реакцией испуга, что в этой связи могут всплыть кое-какие факты, свидетельствующие о подготовке бактериологической войны в Соединенных Штатах.

Методы и «вкусы» американских экзопансионистов и японских палачей удивительно совпадают. Бактерии, несущие смерть людям, писал американский «спросфессор» Тиман в «Быльницах оф атакм сайгенитес» еще в августе 1947 года, «можно обрызгать на врага разными способами при помощи самолетов или управляемых снарядов. Выбор, несомненно, падает на холеру, дизентерию и бубонную чуму». Другой ученый мракосей — Джек-ралд Вендт в журнале «Сайенс иллюстрейтед» за октябрь 1946 года с особым смаком писал о том, что с помощью бактерий «искусственно может быть уничтожено без видимого ущерба для городских строений, для портовых доков и средств транспорта. Они могут достаться противнику совершенно неожиданным образом... Во время будущей мировой войны, — заключал этот «доктор», — можно, не объявляя войны, с успехом начать ее с нападения при помощи биологических средств... Для этого не нужны заводы-гиганты, ибо количество требуемых смертоносных материалов ничтожно по сравнению с тем, сколько потребовалось бы артиллерийских снарядов».

Вот что больше всего привлекает американских претендентов на мировое господство! Война «молиненосная», война «дешевая» и без массовых армий. Империалисты давно и тупенно мечтают о такой войне.

Поэтому-то столь опасна игра сумасшедших из лагеря поджигателей войны с этим оружием. Но случайно, что именно Форрестол в заявлении 12 марта 1948 года официально признал, что в США производятся исследования в области применения бактериологического оружия «в таких масштабах, чтобы можно было использовать бактериологическое оружие в будущем».

Так пусть процесс в Хабаровске и приговор Военного трибунала послужат грозным предупреждением для всех, кто вынашивает чуждоимпериалистические планы и готовит злодейские семена для агрессивной войны за мировое господство.

ХАБАРОВСК

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРОНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ГОВОРИТ ЩЕЦИН...

ВАРШАВА. С каждым годом радио все более проникает в быт чехословацкого народа. В истекшем году более чем к миллиону радиолюбителей добавилось еще 160 тысяч.

Недавно в Щецине была открыта радиостанция. Первыми словами, переданными новой станцией по волнам эфира, были слова благодарности и пожелания долгой жизни доктору Генералиссимусу И. В. Сталину, произнесенные от имени трудящихся польских городов и сел министром культуры и искусства Польской республики Дыбовским.

— Польский народ, — сказал Дыбовский, — никогда не забудет, что мудрой и мирной внешней политике Генералиссимуса Сталина он обязан возвращением Щецина Польше. Мирной и дружественной к польскому народу политике Советского Союза мы обязаны тем, что граница Польши на Одере и Нейсе обеспечена. Возникновение Германской демократической республики впервые в истории Польши создало нам друзей за нашей западной границей.

МОЛОДОЕ БОЛГАРСКОЕ КИНО

СОФИЯ. Никогда еще в прошлом на экранах Болгарии не демонстрировалось такое количество отечественных фильмов, как теперь.

Наша молодая кинематография Болгарии поставлена на службу народу. В хроникальных и документальных фильмах она стремится отобразить радостный, вдохновенный труд освобожденного народа, самоотверженное строительство молодого государства. Названия этих фильмов говорят сами за себя: «Гидростанция «Белая Искра», «Город черного золота», «Новые люди», «Электрификация», «Путь соревнования», «Хлеб-Богат-дорога республике», «Бригада победителей» и многие другие.

На экраны встают перед зрителем занятые оптимизмом возрождающаяся София, одетый в деса город юности — Димитровград, столица шахтеров — Перник.

народной демократии. Об этом рассказывают фильмы «Болгарская правительственная делегация в Москве», «Подписание договора между Болгарией и Польшей», «София» — Тирана» и др. Болгарский короткометражный фильм «Долгий путь одной ланцетницы» (автор сценария П. Здравевин, оператор В. Карастанюв) получил первую премию на Всемирном кинофестивале в Маринских Ланях.

Впереди у болгарского кино еще более светлые перспективы. Журнал «Свят» сообщает, что в болгарское кино волеются скоро новые кадры работников, получивших знания и опыт в стране самого прогрессивного в мире киноискусства — СССР. Виз Соприи с помощью специалистов братского Советского Союза будет построен новый, оборудованный по последнему слову техники киноцентр, который обеспечит все технические условия для дальнейшего быстрого роста и развития болгарской кинематографии.